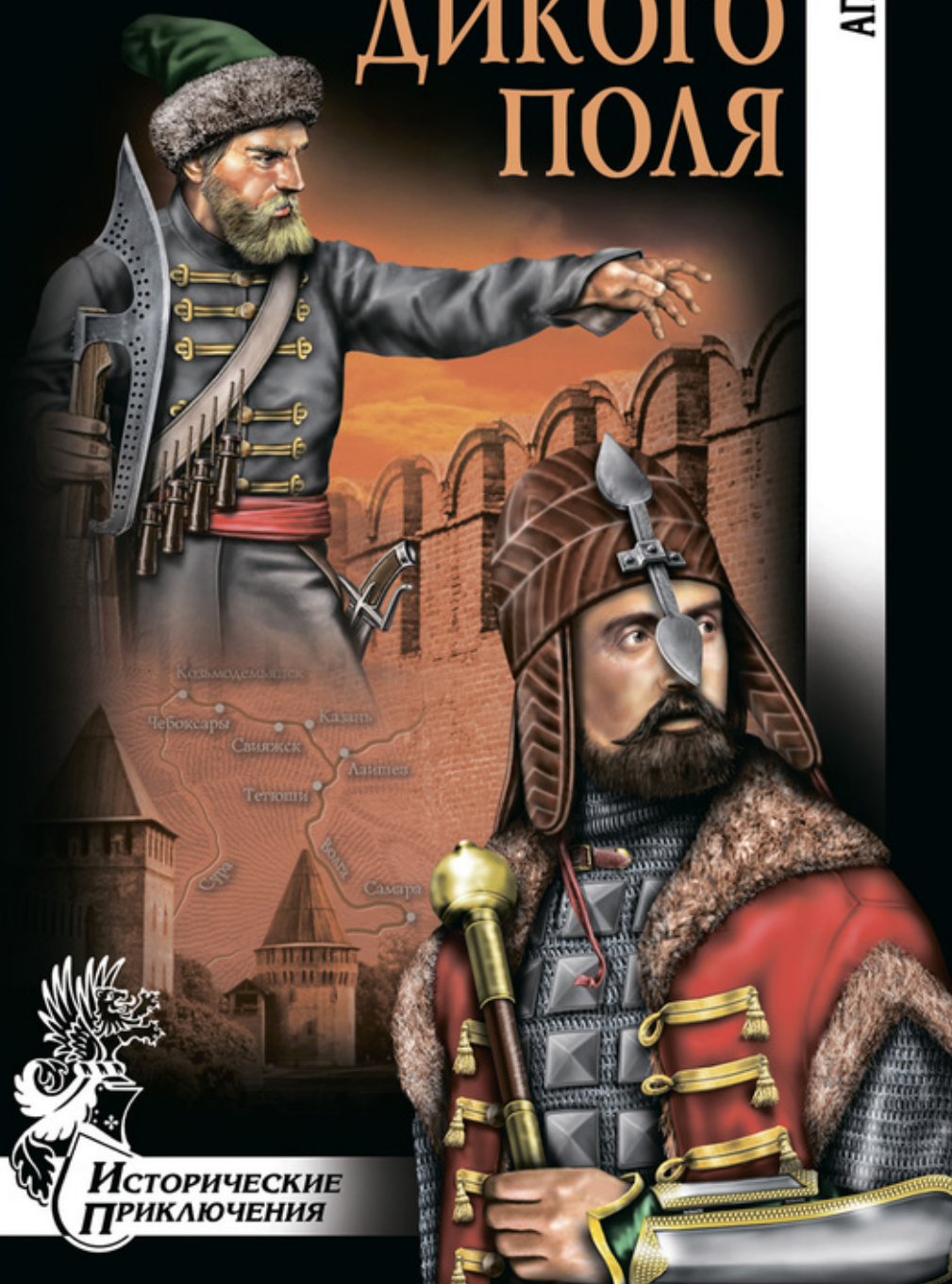

ВОЕВОДА ДИКОГО ПОЛЯ

ДМИТРИЙ
АГАЛАКОВ

Исторические
Приключения

Дмитрий Валентинович Агалаков
Воевода Дикого поля
Серия «Исторические приключения (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=439055
Воевода Дикого поля: Вече; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-7850-9

Аннотация

Вторая половина XVI века. Маховик долгой и кровавой Ливонской войны медленно набирает обороты, втягивая в свою орбиту тысячи людских судеб. Не избежал ее и князь Григорий Засекин. Молодой воевода честно воевал и в Дерпте, и под Феллином, участвовал во взятии Полоцка, был лично знаком с князем-диссидентом Андреем Курбским и даже, по версии автора, помог ему скрыться от опричников. Счастливо избежав молота опричнины, Засекин был «брошен» царем на укрепление юго-восточных рубежей Руси – создание Волжской засечной черты, за что и получил прозвище «воеводы Дикого поля».

Читайте новый захватывающий роман мастера историко-приключенческого жанра Дмитрия Агалакова!

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	29
Часть вторая	43
Глава 1	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дмитрий Агалаков

Воевода Дикого поля

© Агалков Д. В., 2009

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Елене Григорьевне Агалаковой посвящаю

Пролог

Конный разъезд ногайцев рысью шел вдоль берега Волги. Великая река то открывалась, то уходила за леса и холмы, напоминая о себе лишь прозрачной голубой дымкой вдали, по-весеннему свежей. Несколько ногайских орд хозяйничали в этих местах, зовущихся Волжским диким полем, и никак не могли поделить здешние земли. Да и вольное казачество не давало покоя мурзам, выбрав ту же часть Волги плацдармом для нападения на осколки некогда великой Золотой Орды. Уже полстолетия Дикое поле жило в состоянии войны и редких перемирий...

Отряд в полном вооружении, с кривыми саблями, копьями и луками пришел с юго-запада. Небольшие черные кони, мускулистые и выносливые, ветром рассекали луговые травы, гудевшие мириадами насекомых, вырывались на обветренные пустоши, взрывая копытами желтую степную пыль.

В полдень, когда первое майское тепло набирало силы и грело уже по-летнему, разъезд оказался напротив Девьих гор. Лесистые вершины, приземистые и темные, плотной грядой намечали здесь путь реки, широкое русло которой изгибалось гигантской подковой, оставив на правобережье дикий, кишачий зверьем полуостров.

Вожак поднял руку, и отряд спешился. Узкоглазое прокопченное лицо предводителя было непроницаемо. Цепко сросшиеся борода и усы резко очерчивали сухие тонкие губы ногайца. Левую скулу уродовал старый узловатый шрам. Степной ветер порывами трепал куний мех его шапки.

– Что случилось, Байарслан? – выехал вперед один из всадников. – Ты чуешь опасность?

Но тот остановил его властным движением руки. Вожак явно пытался услышать что-то. Прислушались и другие – странный гул раздавался совсем рядом, точно река пела...

– Туда, – сказал он, кивнув на запад.

И отряд пустил коней по указанному направлению. Они проехали еще немного. Впереди пошли пологие холмы, за ними, напротив гор, поднималась синяя дымка. Там была Волга. Гул теперь становился явным, отчетливым, грозным...

Плечью ударил ногаец своего коня, и тот рванул вперед.

Отряд ногайцев вылетел на холмы и тотчас врос в весеннюю землю. Многие кони встали на дыбы. Гул сотен голосов, эхом разносившихся по реке, разом обрушился на степняков.

Многие десятки исполинских плотов тянулись вниз по Волге, и каждый представлял собой большой дом – с палатками и шалашами. Плотами управлял пестро одетый люд. По всей Волге эхом разносились зычные окрики, и брань гуляла от берега к берегу. А рядом с плотами шли боевые струги – весело взмывали весла и резко уходили под воду. Красными пятнами читались стрелецкие кафтаны и шапки, грозно посверкивали на солнце бердыши. Караван переселенцев, да и только!

– Московиты, – с гневом тихо сказал вожак. Было видно, что даже он, опытный боец, впервые видит такое.

– Откуда их столько пришло сюда, Байарслан? – спросил второй ногаец. – И зачем они сплавляют столько деревьев? Ведь они растут по всей реке! Почему не нарубить там, куда плывут?

Глаза командира, и без того узкие, превратились в две свирепые щелочки.

– Скоро мы это узнаем, – сказал он. – Только жди худого, когда столько царских солдат московиты везут с собой. Поедем следом...

На главном струге, держась за борт, стоял крепкий мужчина в полотняной рубаше и богатом кафтане, наброшенном на плечи. Сабля в дорогих ножнах – не в пример стрелецким или казацким – висела на широком поясе. Волжский ветер легко цапал его густую чернявую шевелюру, чуть побитую серебром. В темной бороде тоже было немало седины. Хмурился воевода, оглядывая берега. Красивы они были. Но сколько опасности таили в себе! То и дело, отражая полуденное яркое солнце, сверкал на мизинце воеводы перстень с изумрудом. Непростой то был перстенок – подарок царя Иоанна Грозного...

Воеводой был сорокапятiletний князь Григорий Осипович Засекин из рода князей Ярославских, что вели свою родословную от Рюриковичей и Чингизидов. Бывалый воин, Русь исходивший с полками от Ливонии до Урала и от Ладоги до Крыма, в прошлом, 1585 году по приказу царя Федора Иоанновича, а на деле – его шурина Бориса Годунова, князь Засекин был послан Москвой ставить Волжскую засечную черту – супротив Ногайской орды. Главными крепостями засечной черты должны были стать Самара, Саратов, Царицын...

– Вот нехристи косоглазые, а? – весело воскликнул княжеский ординарец Мишка, кивнув на холмы, где остановился отряд ногайцев. – Глядят! И как глядят, батюшка Григорий Осипович! – Придерживая рукой гарду длинной сабли в ножнах, он ухмылялся в жиденькие светлые усы. – Ох, повидаться нам еще с ними, братцы, видит Бог, свидеться!

– Типун тебе на язык! – ухающим голосом осадил его стрелецкий сотник Савелий Крутобоков, чьи солдаты охраняли первый корабль флотилии. – Накаркаешь еще! Ногайцев только не хватало на нашу голову...

– А куда от них денешься? Не позволю – сами придут! – поддразнивал его Мишка.

Сейчас многие, и с плотов, и со стругов, глядели на крупный отряд степняков, что минуту назад так стремительно вылетел на холмы, обрывом подходившие к берегу Волги. Чего от них ждать? И может быть, это – всего лишь авангард полков зло ненавидевшего Москву здешнего ногайского владыки Уруса, что вдоль берега крадется за непрошеными гостями?

Смотрел туда и князь Григорий Засекин – черные глаза его не отпускали ногайцев, хмурились брови...

– Выпадет доля – свидимся, – сказал он обоим воинам. – И не таких видали!

Отряд степняков уже поворачивал коней и уходил за холмы. Князь пригладил окладистую бороду:

– Нам бы только все успеть в срок, пока ногайские мурзы не опомнятся. А там уж поглядим, кто кого!

Степняки не знали, что в связанных бревнах, образовавших плоты, таится крепость, которую срубили еще под Казанью и теперь сплавляли сюда, к большой Волжской Луке. Что переселенцы на бревнах – это рабочий люд, строители будущей крепости. А царские стрельцы в красных кафтанах и разудалые казаки – ее будущие защитники.

К вечеру, когда солнце зарделось над волжскими степями правобережья, фортификатор Тимоха засуетился: то и дело приставлял ко лбу широкую ладонь, щурясь от закатных лучей, что стелились рябью по Волге и слепили глаза. Неожиданно далеко впереди открылось устье другой реки, впадавшей в Волгу от левого ее берега.

– Туточки! – звонко крикнул Тимоха. – Вон урочище! Вот она – Самара! Веселая речка, казачий притон! Дом родной для душегубов и злодеев! – Но кричал он это радостно и задорно. – Чаль к берегу, братцы, чаль!

Но его не послушали, пока княжеский струг не опередил казачий – с атаманом Богданом Барбошей. Это он, матерый пират, знавший здесь каждую пядь, прошлой весной возил сюда строителей фортификаций. Несколько дней хватило братьям Буровым, санчурским

мастерам – Тимохе и Трофиму, чтобы осмотреть местность и нарисовать образ будущей крепости. И вот теперь с казачьего судна дали отмашку, и струг стал медленно уходить влево.

Крики полетели над плотами и от струга к стругу. Флотилия стала тормозить, неспешно уходить рядами к левому, песчаному, поросшему кустарником берегу, прижиматься к нему...

И скоро уже головной корабль ткнулся носом в прибрежный песок, как раз там, где Самара впадала в Волгу. Тихим казался берег – большие холмы впереди, лесистая круча слева, покойный приток и другой его берег – с густым смешанным лесом.

– Хорошая земля, – сказал князь.

Там, на подъеме, меж этих двух рек они и должны были как можно скорее поднять крепостные стены и башни, пока не очухались ногайские мурзы, пока не решились изничтожить непрошенных гостей...

Часть первая

Новик его величества

Глава 1

Ливонская баталия

1

В январе 1558 года русские войска перешли границу Ливонии. Стычки возникали и раньше, и прежде царские воеводы предпринимали рейды на ее территорию. Причин на то было много. Дерптский епископ уже давно не платил Руси положенной дани с владений, некогда переданных ливонским рыцарям великими московскими князьями. Русских купцов, что стремились к выходу на запад, там повсюду прижимали и обирали. К тому же Ливония вошла в союз со Швецией – на то время лютым врагом Руси, которая тоже противилась всем попыткам Москвы выйти на большие европейские рынки. В первую очередь союзники делали все, чтобы Русь не вступила в торговые отношения с Англией, столь выгодные для обеих сторон. Из Нарвы ливонцы обстреливали гарнизон Иван-города. Наконец, на землях, принадлежавших Ливонскому ордену, жестко попирались все права людей православных. В Ревеле и Дерпте, Риге и Нарве, других крупных городах нагло обворовывались и разрушались русские храмы.

Мог ли молодой русский царь, человек несдержанный и вспыльчивый, терпеть все эти унижения? Четырьмя годами ранее крепнущее Московское царство официально объявило ордену войну и, чтобы остепенить рыцарей, громило пограничные территории Ливонии, но так и не добилось желаемых результатов.

Время для серьезного удара Иван Грозный выбрал неслучайно. За несколько лет до того Русь подчинила себе Казанское и Астраханское ханства, огромная армия освободилась и, пополнившись татарами, поступившими на царскую службу, была готова к новым битвам. Привечал русский царь и вольных казаков с Дона, Волги и Яика, платя им звонкой монетой за военные услуги.

Узнав, что к границам Ливонии подступают русские полки, рыцари, забыв о гордыне, помчались по своим командорствам собирать дань. А сумма была велика – 60 000 марок серебром! Только раньше стоило о том подумать: и половины не смогли собрать ливонцы! То, что нашли, они привезли в Москву – посольством командовал младший брат магистра ливонцев Вильгельма Фюрстенберга ландмаршал ордена Филипп, но оказалось поздно. Не помогло и обещание, что в кратчайший срок будет доставлена обещанная казна, а также восстановлены все православные храмы в городах Ливонии.

Ближняя дума во главе с окольничим Алексеем Адашевым, протопопом московского Благовещенского собора Сильвестром и князем Андреем Курбским не советовала до срока воевать с Западом. Существовал враг и посерьезнее: беспокойно было на южных и восточных границах Руси. Бунтовали черемисы, саблю точил на соседа могущественный крымский хан, во всем поддерживаемый турецким султанатом, да часть ногайских орд, рассыпанных по левому берегу Волги, зловеще скалила на московитов зубы.

Но Иван Четвертый, которому шел двадцать восьмой год, не принял посольство крестоносцев. Теперь по разумению первого русского царя все должна была решить война.

И началась баталия за здоровье Руси и на помин ее врагам. В считанные месяцы царские войска под командованием Михаила Глинского, касимовского хана Шаха-Али, служившего царю Иоанну, князя Андрея Курбского и других полководцев взяли более двадцати ливонских городов и замков, огнем и мечом прошли по земле беспардонного соседа, тысячами отправляя в Москву пленных, чтобы потом раздарить их в крепостные русским боярам и поместным дворянам за хорошую службу. А вот простой чухонский люд царь миловал, за что тот оказался бесконечно ему благодарен, потому что одним махом свергли московиты ненавистное трехсотлетнее немецкое иго.

11 мая рыцари дрогнули и сдали русским северный форпост своего военного государства – крепость Нарву.

В середине июля часть русских войск под командованием царского фаворита Андрея Михайловича Курбского окружила ливонский город Дерпт – самую сильную и лучше других оснащенную крепость Ливонии. Тут засел один из главных ненавистников Руси – ливонский архиепископ Евстафий. Отсюда, при поддержке магистра ордена, он направлял свои послания, одобряя грабеж православных храмов и побиение русичей. Шесть лет назад Курбский был среди командиров, лихо и смело взявших Казань, и считался удачливым полководцем. Он привел под Дерпт дворянские ополчения, стрелецкие полки и отряды призванных на службу казанских и астраханских татар, попавших под влияние Руси.

Разорив окрестности Дерпта, 12 июля русская армия выстроилась боевым порядком недалеко от крепости. Ей навстречу из города выехало ливонское войско, костяком которого были рыцари в белых плащах с кроваво-алым лапчатым крестом и мечом на груди и левом плече. Они должны были дать или принять генеральное сражение. Иначе им грозило одно – будет враг идти по земле ордена и брать одну крепость за другой, выжигая ливонскую землю.

За русскими стоял густой смешанный лес, по-летнему звеня птичьим многоголосьем, маня тенью, да и по флангам войска московского шли перелески, а впереди поднимались пологие холмы. Там, на фоне летнего неба и серых башен Дерпта, и кучилось конное рыцарское войско, сверкая шлемами, слепя белыми плащами; стояли пешие лифляндцы, эстляндцы и курляндцы, призванные магистром к битве, вооруженные мушкетами, пиками, мечами, луками и арбалетами.

Волновались обе армии, ожидая кровавой битвы...

На черном скакуне, в кирасе и боярской шапке из парчи да собольего меха, удерживал Андрей Курбский своего гнедого рысака. Числился он первым из московских красавцев! И роду знатного, и стати богатырской. К тому же ученый был – не в пример многим боярам. Да и сечи лютой не страшился. Билась о левое бедро широкая татарская сабля в ножнах, украшенных малахитом и янтарем. Сам плененный казанский хан Едигер отдал ему свой кривой меч, выкованный в далеком Дамаске!

Сабли были и у дворянской конницы, и у казаков, и у стрельцов. Столько срезавшая голов православных за три века лютого ига, кривая татарская сабля давно стала первым оружием московита, вытеснив старый прямой варяжский меч.

– А ну, Василий, трубу дай мне, – окликнул Курбский ординарца, – погляжу я на господ немцев!

Там, на зеленых холмах, стеной вросли в землю рыцари. На выносливых боевых лошадях, покрытых сталью и оттого похожих на чудовищ, дожидались ливонцы битвы. Флажки играли на поднятых вверх длинных копьях, развевались на летнем ветру их стяги, и первым среди них был стяг ордена – цвета крови меч и крест на белом полотнище. Старый седой магистр в черной броне смотрел в такую же трубу на русских. Фюрстенберг-старший решил сам возглавить войско, не перекладывая заботу на плечи Филиппа, личным присутствием поддержать цвет ливонского рыцарства. Его взору предстали ряды всадников – дворянская

конница в шеломах, кольчугах и стальных нагрудниках, таких же наплечниках, в кожаных сапогах, при щитах.

– Эти русские храбры, но одеты как крестьяне, – ледяным тоном произнес магистр, стареющий бог войны. – Не им тягаться с моими рыцарями!

Он был уверен: его ливонцы, выкованные из стали, что касалось и опыта, и характера, и силы, и снаряжения, непременно справятся с русичами. Недаром первое, на что меняют русские свои меха – соболя и куны, лисьи и беличьи, а равно мед, сало, лен и коноплю, да воск для церковных свечей, это – западная броня и оружие. Не научились еще русичи ковать настоящие кирасы и бацинеты! Оттого и уязвимы для длинных немецких копий и тевтонских мечей. Видел также старый магистр легкую татарскую конницу, косяками ходившую на флангах. Пусть быстра и неуловима, но и она вряд ли станет помехой: разобьются татары об их ряды, как волны о прибрежные скалы! А далее пылали красные кафтаны стрельцов, по большей части пеших – тысячи три, не менее. Рябью посверкивали на солнце их бердыши. Грозный противник! Но пеший...

Магистр Вильгельм фон Фюрстенберг и не думал нападать первым. Пусть русские сами подойдут к нему – под стрелы арбалетчиков, под смертоносный огонь мушкетов и копьа рыцарей.

Издаലെка смотрели русские дворяне на закованных в железо рыцарей, беспокоились.

– На этом поле первые из первых собрались, – кивнул в сторону противника черноволосый и статный юноша, крепко сжимая в руке копье. С усмешкой добавил: – Точно рыба в чешуе!

– И то правда – щучье племя! – усмехнулся его русоволосый товарищ. – Одно паршиво, Гриня: копьа ливонские, что рыцари для лобовой атаки приспособили, подлиннее и пострашнее наших будут!

– Рыцари в кирасах, а на каждой кирасе у немца и ливонца фокр прилажен, – согласился с ним первый. – Положит он на этот крюк копье – и вперед! А у нас – в руках держи...

– Зато мы ловчее будем! – нервно усмехнулся третий юноша, огненно-рыжий, у которого так и ходили желваки по скулам. – Нам-то проще налегке, а? Попробуй, рыцарь, повертись, как мы! – Голос звучал с хрипотцой, надсадно, и ярости рыжему было не занимать. – Я так кистенем пятерых басурман отхожу, что они и опомниться не успеют! Тоже не пальцем сделан!

Три приятеля, восемнадцатилетних юнца, едва не плечами касались друг друга, сидя на боевых лошадях в первом ряду дворянской конницы. Первым из тройки был князь Григорий Засекин, а его товарищи – тверской дворянин Петр Бортников и служилый человек знатного царского вельможи князя Михаила Воротынского Степан Василевский. У трех молодых воинов едва пробивались в цвет волос борода и усы. Черные глаза Григория горели, как угли, восточная кровь была в нем! У Петра светились иначе – ясные, синие. Что до Степана, то и глаза у него были под стать шевелюре – рыжие, огненные. Как и другие конники из дворян, они ждали битвы, уже успев почувствовать в себе силу настоящих бойцов: вкус крови, как у молодых волков, уже ранил их сердца...

Призванные еще новиками, теперь уже в составе русской дворянской конницы постигали они военную науку. Карательные операции русской армии, все глубже врезавшейся в ливонскую территорию, не прошли для юношей даром. Окропили свои сабли чужеземной кровушкой! Успели разглядеть всю подноготную войны, ее безжалостную изнанку, когда за победой на поле брани, за взятием городов шел беспримерный грабеж и жестокое наказание всех без разбору. А свирепой ненависти русским хватало! Не прошли даром два с половиной века под татарским игом – истосковался русский меч по вражьиm головам. И не важно, чьи они были – ногайские ли, польские, ливонские. Похож был русич той поры на голодного медведя, которого наконец-то спустили с цепи...

К Андрею Курбскому, по его требованию, летели на своих легких степных лошадях, в окружении смуглолицей свиты, татарские командиры. Туда же мчался и командир дворянской конницы Данила Адашев со своими сотниками и ординарцами, торопились стрелецкие воеводы. Переговорив, военачальники так же скоро рассыпались по своим частям.

Колыхнулось войско...

– Началось, – сказал Петр Бортников Григорию Засекину.

– Воистину началось! – откликнулся тот. – Потупим сейчас сабельки о ливонскую броню, ох потупим! – В устах юноши с едва окрепшим голосом не очень уверенно прозвучала эта фраза. От старших товарищей перенял он просто бравую присказку к большой битве, из которой, дай Бог, еще б выбраться живым.

И вот уже татарская конница, стоявшая на флангах, неожиданно сорвалась с места и полетела в сторону ливонцев. Но не копыта держали в руках татары, не кривые свои мечи, а луки. Степные кони ветром донесли до холмов, где разом, грозной грядой ошетинилось длинными пиками ливонское рыцарство, но не тут-то было. Взмыли вверх тысячи полторы стрел – и градом посыпались на рыцарей и пехоту. Сержанты ливонского ордена, рекрутированные лифляндцы, курляндцы и эстляндцы отвечали пальбой из мушкетов и арбалетными болтами, да только малоуязвимой была татарская конница. Что попало в пеструю гущу, рассыпавшуюся, летящую зигзагами, то и нашло свою цель. Татарские же стрелы причинили вреда поболее тем, кто стоял без движения. Успел укрыться щитом – хорошо. А нет – с пробитыми шеями и плечами полегли на месте.

Мрачно взирал магистр на хитрость противника. Он уже знал, что Андрей Курбский, гроза Казани, командует русскими. С этим держи ухо востро!

А татары, оставив с полсотни своих товарищей корчиться недалеко от позиций врага, уже вновь сходились двумя тучами. И с той же силой, но уже более прицельно, пустили новый град стрел по неприятелю.

Ливонцы забеспокоились – сколько так может продолжаться? Так и будут бить татары по их позициям, оставляя главные силы для решающего сражения? Вильгельм фон Фюрстенберг понимал: татар русскому князю не жалко. Ордынцев – тьма, на смену одной другая придет: точно с такими же луками, отчаянно смелых, быстрых, как ветер.

Каждый новый налет грозил стать решающим – стрелы жалили не только пехоту, но доставали и рыцарских коней. Для самого рыцаря стрельба татарскими стрелами навесом вреда не причинит – не пробить им надежную броню. Но нанести урон всей армии в целом подобные атаки, тем более частые, ой как способны!

А летнее солнце все сильнее накаляло броню ливонцев, тут и поджариться недолго. Рыцари волновались. Очередной татарский налет заставил магистра изменить тактику...

Седой Вильгельм фон Фюрстенберг, высохший, с ног до головы в подвижной пластинчатой броне, выпуклой кирасе, поднял руку – и герольды в круглых бацинетах, легких панцирях и алых накидках, прихватив обеими руками длинные медные трубы, выстрелили в небо гортанным и раскатистым многоголосьем.

Пронзительное эхо покатилося по предместьям Дерпта. Рыцари опускали забрала...

«Завыли, черти, – побежало по рядам дворянской конницы. – Сейчас пойдут, псы, сейчас!»

И точно – ожили ряды ливонских рыцарей и медленно покатались по пологим зеленым холмам навстречу неприятелю. Двинулась по флангам многочисленная пехота. Лишь сам Вильгельм фон Фюрстенберг с большим отрядом и остался стоять на холмах. Григорий Засекин, Петр Бортников, Степан Василевский и другие дворяне, нацелив копыта на врага, уже приготовились к драке, но тут понесся Данила Адашев на белоснежном жеребце под дорогой попоной перед рядами своих бойцов, крича сотникам дворянской конницы:

– Как ливонцы будут близко, разлетайтесь второпях по флангам! Стрельцы будут встречать рыцарей! (А каких таких рыцарей – веселой бранью отметили сотники, да под бешеный гогот своих бойцов!) Но не торопись, дайте поближе подойти басурманам!

Привстав в стременах, Григорий оглянулся. Эти матерые бородатые мужики в длинных красных кафтанах и шапках горели-таки на солнце! Здоровенные, плечистые и высокие как на подбор, вооруженные до зубов, при саблях, они уже зажигали огнивами фитили пищалей, укладывали их на стальные шеи бердышей. Это шведские да немецкие мушкетеры нуждались в поддержке копьеносцев, что охраняли их в то время, когда те заряжали свое оружие и были бессильны против конницы. Потому что держали мушкетеры стволы на крепких рогатинах, дабы не промахнуться, потому что весило то оружие немногим меньше пуда. А стрельцы были горазды на все – пальнет горошиной с добрую черешню, а потом и себя защитит – поднимет бердыш, да хватит рыцарского коня по ногам или по брюху, а то и самого рыцаря смахнет за будь здоров.

И когда цвет ливонского рыцарства подошел на расстояние мушкетного выстрела, сотники дворянской конницы дали приказ: «Уходим на фланги!»

Сорвались с места полторы тысячи таких же молодцов, как Григорий Засекин и его товарищи, и открыли поле для схватки лавине рыцарей и заслону из стрельцов. Ливонцы, закованные в доспехи, уже опустили копья, готовясь насадить на них врага, как на вертел. И уже готовы были встретить их русские стрельцы в алых парчовых кафтанах, перед каждым из которых стоял втиснутый в землю бердыш и лежала на его стальной шее громоздкая пищаль, обращенная стволом к атакующим...

Когда две волны конницы разошлись, рыцари оказались так близко, что слышно было, как хрипят бронированные кони, как хлопают за спиной рыцарей белые плащи.

– Огонь! – рявкнул стрелецкий воевода, полосонув саблей воздух.

– Огонь! – завопили сотники, рубанув саблями воздух, точно отсекали головы невидимому противнику.

И более полутысячи пищалей одновременно плюнули огнем в ливонских рыцарей, до которых было уже рукой подать. Точно разверзлось под ударом грозы небо, белые дымные облачка окутали первый и второй ряд стрелявших. Как замороженная, глядела отступившая русская дворянская конница на ломающийся рыцарский строй. С пятидесяти шагов свинец разрывает броню, какую бы надежной та ни была, и пылающим углем вонзается в тело. Так и летит вон душа! И когда дым рассеялся и вперед выступили третий и четвертый ряды стрельцов, жуткая картина открылась обороняющимся. Сраженные пулями рыцарские кони, жалобно хрипя, бухались в летнюю траву, заливая ее кровью, сбивая друг друга и подминая раненых и убитых рыцарей. Первые из рыцарей, что с копьями наперевес летели на русских, едва не сшибли паливших по ним стрельцов. Грудой металла легли у них под ногами. Отступили два первых, уже отстрелявших ряда. Свежие стрелецкие силы взяли на прицел новые ряды ливонцев, пытавшихся остановить своих коней, чтобы не врезаться в братскую могилу. Еще один залп, вспышка белых дымных облачков, и свинец уложил еще пару сотен рыцарей и оруженосцев, образовавших чуть дальше вторую преграду.

Вновь отошли стрельцы, чьи пищали опустели, обнажив пятый и шестой ряды. Рыцари уже поняли – не пройти им русский заслон. Они поворачивали коней, чтобы отступить, когда полыхнула еще одна молния, и гроза расколола небо за их спинами. Недалеко ушли ливонцы! Резал свинец их латы, дробил кости, терзал тела. И еще пара сотен рыцарей полетели на землю, а на смену отходившим пятому и шестому ряду стрельцов открывались седьмой и восьмой...

С ужасом взирая на бойню, зашевелила с холмов ливонская пехота, но Данила Адашев, в коротком алом кафтане и такой же шапке, с кривой саблей наперевес, уже взял по приказу

Андрея Курбского половину дворянской конницы и обходил ливонцев с правого фланга, а с левого их молниеносно объезжали казанские и астраханские татары.

Засекин, Бортников и Василевский, нацелив копья на пехотинцев, в первом ряду летели на врага. Но первым и досталось! Ливонские мушкетеры и арбалетчики, поняв, что, подобно рыцарям, могут угодить в ловушку, оборотились не к стрельцам, а к русской и татарской коннице.

Мушкетеры уже втыкали в землю свои рогатины, укладывали массивные ружья, запаливали фитили, целились. Прилаживали к плечу свое оружие и арбалетчики. Но, в отличие от ливонцев, дворянская конница – и тем паче татарская – шла врассыпную, веером. Тут нельзя было ударить свинцом в гущу, приходилось целиться, а целятся, как известно, всегда в первых.

Двух ратников, что опередили Григория, Петра и Степана, тотчас сразил десяток свинцовых горошин, а арбалетные болты сбросили их с лошадей, которые, раненные смертельно, пролетели вперед, сбив при этом пяток ливонцев. А еще двух, что, отбросив мушкеты, поспешно извлекали из ножен мечи, накололи как поросят копья трех юных бойцов – Засекина, Бортникова и Василевского.

И тут же молодые бойцы, обнажив сабли, стали полосовать нападавших врагов – только б до коней не дотянулись басурманы!

Григорий заметил, как вырвался из гущи сражавшихся и бежал к нему копьеносец, нацелив стальное жало прямо ему в грудь. Для маневра не оставалось времени; спастись можно было, лишь подняв коня на дыбы. Так он и сделал. Вошло широкое, с зазубринами копье в брюхо боевого коня, но Григорий успел спрыгнуть и отсечь ливонцу левую руку по локоть. А когда тот падал – снести ему еще и голову под корешок.

Григорий поискал глазами друзей – живы ли?! – но не нашел их в этой кровавой гуще. Зато увидел другое: рухнул совсем рядом с ним красавец-конь, белоснежный, с дорогой багряной попоной, обшитой золотом; из распоротой шеи била фонтаном густая кровь, а конь все перебирал копытами, пытаясь встать, и только сильнее давил на своего недавнего седока-хозяина, подминая его под себя...

Ливонский пехотинец, щурясь от солнца, занес топор над поверженным воином в красном кафтане, который пытался дотянуться рукой до своей дорогой сабли, сверкавшей камнями. И лежала-то она рядом! Да только смерть была ближе. Но Григорий успел – в два прыжка оказался рядом и ударил саблей по рукам ливонца. Взвыл тот, замахал культиями как мельница и, брызгая кровью, повалился рядом и забился. А к ним, вырвавшись из толпы бьющихся, подступали еще двое басурман с мечами. Отбил Григорий круглым щитом удар первого, от второго отмахнулся саблей. Отступил. Но ливонцы наседали. Первый отвлекся, заметив хозяина белого жеребца, наполовину уже вылезшего из-под своего красавца-коня, теряющего последнюю кровь. Руками цеплялся Данила Адашев за землю, но та успела превратиться в бурю жижу, и дело потому шло медленно. Извернулся Григорий на удачу, открыв себя на секунды, полоснул того ливонца по лицу – снес всю образину, превратив в кровавую подошву, да успел отбить щитом удар второго пехотинца. Но нанести свой удар не успел. Полыхнул рядом стрелецкий кафтан, сверкнул адским пламенем стальной месяц, опустился на ливонца и рассек его ровнехонько надвое – от плеча до паха. Обернулась к застывшему Григорию бородастая физиономия стрельца, разъехалась в широкой улыбке.

– Раз – и нет чухонца! – гулко, точно полуночник-филин, гоготнул молодой матерый мужичище.

– Звать-то как тебя? – спросил Григорий. – Ты ведь мне жизнь спас.

– Да живи на здоровье, барин, – ответил тот, отряхивая топор. – А зовут меня Савелием Крутобоковым.

– Не забуду! – бросил вслед уже уходящему стрельцу Григорий.

– Ты по сторонам смотри лучше, – вполборота ответил тот. – Живем шутя, а помрем вправду! – И пошел дальше махать страшным своим топором, утюгом врезаясь в ряды сражающихся.

Оглянувшись, нет ли скорой опасности, Григорий протянул руку командиру. Тот ухватил ее, рывком поднялся.

– На войне всегда так: один другому порукой! Я, отрок, должник твой отныне! – хлопнул Адашев его по плечу. – Жив останешься – отыщи меня. А коли убитым мне нынче быть, к пресветлому князю Андрею Курбскому иди – скажи, чтоб отметил. Передай, я так просил!

– Да, командир, – кивнул Григорий.

Данила Адашев подхватил свой меч и ринулся в гущу битвы. Повсюду уже мелькали красные кафтаны стрельцов, теснивших врага. Положив цвет ливонского рыцарства в чистом поле, стрельцы отбросили пищали и взялись за бердыши. Точно brave косцы шли они по рядам поверженных рыцарей и выкашивали их, рассекая черепа, лица, шеи. Но бо́льшая часть стрельцов уже торопилась на выручку рedeющей под обстрелом русско-татарской коннице.

Отражая ее удары, ливонские пехотинцы и не заметили, как полчище московитов в красных кафтанах, от которых шарахались даже самые отважные враги, уже подступало к ним. Набранному из вольных мужиков, из самых крепких и бесстрашных, не было этому полчищу дела до дворянской чести! Наемники, чей труд на поле боя был один – убивать, безжалостно вырезали своих противников, походя рубя бердышами на части. И трудно было противопоставить столь опытным и свирепым душегубам другого какого воина!

– Садись на коня! – завопили у самого уха Григория.

Тот рывком обернулся: над ним, с окровавленной саблей, в седле сидел Петр и держал под уздцы другую лошадь, чьего седока, верно, уже подрезали и потоптали в этой бойне.

– Жив?! – просиял Григорий.

– Как видишь! – откликнулся весело товарищ.

– А Степка?!

– Не знаю, – замотал тот головой. – Не тяни, садись!

Григорий вскочил на коня, провернул его вокруг себя. Главная схватка смещалась к холмам. Там, вдалеке, в седлах бронированных своих коней неподвижно сидели избранные рыцари ордена. С ними была рота – а то и две – стрелков-мушкетеров. Ливонцы замерли, ожидая скорой и трагической развязки битвы. Только белый стяг на ветру колыхался, да белые плащи с алыми крестами легко подхватывались ему в такт.

– Эх, дотянуться б до магистра! – сокрушенно покачал головой Григорий. Но тотчас встрепенулся: – А что, Петька, может, рванем наверх?!

– Рванем, Гришка! – охотно согласился товарищ.

И оба, хватив лошадей шпорами, пошли в обход гущи битвы, цепляя ее лишь по краю – там, где секлись молодые дворяне с остатками рыцарей и ливонской пехоты.

– А ну, братцы, пошли брать магистра! – что есть силы прокричал на скаку Григорий.

– Ату его! – залихватски вторил ему Петр.

Часть освободившихся дворян уже пускала своих лошадей вслед за двумя удалыми юнцами-однополчанами.

Магистр ордена Вильгельм фон Фюрстенберг, застывший в седле боевого коня на холме, сразу отметил это движение. Его непроницаемое, испещренное морщинами лицо стало еще жестче. Вот она, оборотная сторона медали, именуемой «свободной обоюдывыгодной торговлей»! Вот чем приходится платить за песцовые и куньи шубы для знатных немецких дворяночек! За лён для парусов Ганзы! За русский мед, столь желанный и незаменимый во время застолий! За добрый и дешевый воск для католических и протестантских церквей, в коих священники творят молитву Богу, насылая пагубу на царя-схизматика!

Так уж лучше совсем обойтись без этих свечей, лишь бы подальше держать москвитов от даров Запада! Воистину по собственной воле загнали они Троянского коня в свою крепость, вложив в руки этих медведей мушкеты из немецких, английских и шведских оружейных дворов! На свою голову научили страшный и свирепый народ новой военной науке! Своей рукой подписали себе смертный приговор!

Вильгельм фон Фюрстенберг видел, что битва проиграна. Ливонцы глупо угодили в ловушку хорошо известной европейской военной стратегии «караколе», разработанной в свое время швейцарцами и французами. Третью его рыцарей и оруженосцев полегли под прицельным огнем стрелецких мушкетов. Еще половина потеряли коней и были ранены. Только оставшейся трети рыцарства удалось увернуться от русского свинца. Потеряв полководцев, они ринулись на русских разрозненным строем и теперь тоже таяли на глазах...

Видел магистр: больше числом было русских, как и земля их была куда обширнее ливонской; ожесточеннее они дрались, презрев все рыцарские правила. С какой-то веселой дьявольской злобой вырубали они все новые коридоры в чужих землях для своего неутомного и ненасытного царя...

Магистр поднял руку в стальной чешуйчатой перчатке и дал отмашку. Герольдмейстер, глаз с него не сводивший, тоже махнул рукой. И вновь выстрелили трубы гортанной медью в летнее небо над Дерптом. Но теперь глас этот напоминал вой смертельно раненного волка, нарвавшегося на матерого медведя, зимняя спячка которого неосторожно была кем-то потревожена.

Это был сигнал к отступлению.

А отряд русских дворян уже во весь опор поднимался на холмы.

– Смотри, смотри! – указав острием сабли вправо, окликнул Григория Петр. – Да это ж Степан наш – живой, черт!

Григорий хоть мельком, но уловил взглядом первого всадника из небольшого отряда, что тоже рвался на холмы. Это и впрямь был Степан: как и они, он летел с парой десятков молодцов из дворянской конницы с явным намерением атаковать магистра.

– Опередим его, Петька?! – азартно прокричал Григорий. – Не отдам Степке магистра, сам возьму! Первым доберусь!

Увидев два отряда дворянской конницы, и часть татар оторвалась от битвы и понеслась вслед за ними на холмы Дерпта. А там, под стягами ордена, Вильгельм фон Фюрстенберг уже готов был принять свой жребий – разбитого наголову полководца, спешно покидающего поле битвы и оставляющего за спиной тысячи раненых соплеменников.

– Филипп, возьми их на себя, – кивнув на русских конников, сказал он брату, ландмаршалу ордена. – Преподай урок этим зазнайкам.

Тот кивнул, опустил забрало. Ряды сомкнулись за магистром, рыцари оцетинились копьями. Молодые русичи не рассчитали сил, решив атаковать противника: и числом их оказалось меньше, и ливонские рыцари были не в пример опытнее. Сотни полторы русских и татар, занеся сабли, влетели на холмы, но тотчас треть из них опрокинулись под градом свинца ливонских стрелков. И все-таки татарские стрелы выбили почти половину герольдов, заставив их, роняя медные трубы и хватаясь за пробитые шеи и грудь, пасть на землю. Положили те же стрелы еще и десятка два ливонских мушкетеров, а вот уязвить рыцарей, прикрывшихся щитами, они не смогли.

Уцелевшие ливонские рыцари врезались в ряды зарвавшихся русских дворян, показав им, каково это – идти с кривым мечом на рыцарское копье! Еще десятка три дворян ливонцы сбили с коней и пригвоздили копьями к земле. А затем, обнажив длинные тевтонские мечи, ударили русским в спину.

– Немчура, сукины дети! – отмахиваясь от ливонца саблей, кричал Петр Бортников. – Чтوب ты пропал, окаянный!

– Сдохни! Сдохни! – вопил где-то неподалеку Степан Василевский.

А Григорий оказался среди тех полтора десятков отчаянных, что успели прорваться и через огонь мушкетеров, и через линию рыцарей с копьями. Смелчаки влетели на самую вершину холма, где рыцари взяли своего магистра в круг. На несколько мгновений взгляд Григория встретился с непроницаемым, полным льда и презрения взглядом Вильгельма Фюрстенберга. Тот уже успел надеть шлем, но забрала не опускал, словно насмехаясь над своим врагом. Столь откровенное презрение еще более разбередило сердце юного воина, но что могла сделать против многочисленных копий его сабля? Чужеземные рыцари даже не обнажили мечей – они просто ошетинились и стояли недвижно, будто каменные изваяния.

Григорий Засекин ухватился за наконечник ближайшего копья и отвел его в сторону, намереваясь прорваться внутрь, но тут ландмаршал ордена Филипп Фюрстенберг поднял арбалет и отправил стрелу прямо в голову молодого русича. Лишь в последнее мгновение Григорий успел прикрыться щитом. Стрела однако пробила сталь и на дюйм вошла в плечо. Боль обожгла сильно и горячо, Григория повело в сторону. Но выстрел этот оказался далеко не последней опасностью, поджидавшей такого сорвиголову, как новик Засекин. Один из рыцарей, уложив мечом безвестного русского всадника и оглянувшись, увидел, что магистра атакуют. Он стремительно развернул коня и занес меч над дерзким русичем... Григорий почувствовал лишь, что в голове неожиданно зашумело, точно вечевой колокол ударил у самого уха, и что-то горячее покатилося по лицу, ослепив левый глаз. Но правым он успел заметить насмешку на сухих губах старого магистра. Увидел, как тот повернул коня и, в сопровождении свиты и знаменосца, будто ничего и не случилось, поехал с холма прочь...

А еще он увидел вновь занесенный над ним длинный ливонский меч, но тому так и не суждено стало выполнить свою смертоносную миссию. Потеряв сознание раньше и выпустив поводья, Григорий мягко соскользнул с коня вниз. Немецкий меч рассек воздух у самой его шеи, просвистев, точно порыв ледяного ветра...

2

...Ему было жарко на сеновале. От летнего пекла, горячей соломы, теплых женских рук. Солнце било отовсюду сквозь щели, где-то за двором звонким лаем заливался Волчок. Солома приятно покалывала тело, забивалась куда ни попадя...

– Ах ты, княжонок мой милый, – шептала она ему в ухо. – Сколько ж тебе годков-то исполнилось?

– Пятнадцать, – отвечал он. – А тебе?

– Ой, и не спрашивай! – засмеялась она.

– Нет, скажи!

– Не скажу!

– Скажи, Маруся, – настаивал он. – Я же сказал...

– А ты меня не разлюбишь?

– Да что ты?! Не разлюблю, конечно...

– Перекрестись.

Но как там было креститься, когда ее полная грудь всецело разлилась по его еще по-мальчишески худому телу с торчащими ребрами?! Русые волосы, что пахли лугом и цветами, густо облепили лицо, лезли в глаза, щекотали нос и губы. Зеленые глаза беспрерывно смеялись и смотрели на него зазывно, весело и упрямо. А он все гладил руками ее ягодицы, ляжки, спину – гладил жадно, ненасытно...

– Двадцать один годок уж мне, Гришенька, – созналась наконец она. – Так-то вот. Помру теперь, верно, старой девой...

– Я тебя, Маруся, никогда не забуду! – все, чем смог он утешить ее.

– Ох, не забывай! – добро улыбнулась она. И неожиданно расплакалась, ткнулась в него покрасневшимся лицом: – Я тоже тебя помнить буду, Гришенька... А что батенька-то твой, хозяин наш светлый князь Осип Пантелеевич говорит?

– Говорит – скоро.

– Страшно небось?

– Нисколько не страшно! – взъерошился он.

– Это ж надо, в пятнадцать-то годков – да из родного дома! Да невесть Бог куда! В Московию, на чужую землю, да еще с саблей да на коня! Когда б любиться еще и любиться...

– Так надо, – упрямылся отрок. – А с саблей я давно в ладах, отец меня сызмальства учил. Я любого крымца одолею! – храбро прибавил он.

– Ах ты, княжонок, воин мой драгоценный...

Она прижалась к нему щекой. Поцеловала в губы. И он стал целовать ее – жарко, смело. Совсем не так, как в первый раз, когда она, тут же, на этом же сеновале, подкараулив, когда они останутся одни, положила его ладонь на свою грудь.

– А ты норовистый паренек, молодчинка. Еще хочешь? – целуя, спросила его Маруся. – Хочешь, да?

– Хочу, – бесхитростно признался он.

– Рада послужить тебе, – улыбнулась она. – Ты ведь мой самый милый, самый-самый. Истинный крест, Гришенька! Истинный крест...

С этого самого сеновала и забрали его под чистые руки на службу государеву.

Вернулся он домой, счастливый, подошел к нему отец, хромая, обнял за плечи. Отец его был широкоплеч, носил простую рубаху, перепоясанную шнурком, штаны и добрые сапоги, хоть и старые, но из дорогой кожи. Польские!

– Ты эту дурь с бабами из головы теперь выбрось! – хмуро, но без гнева сказал он.

Григорий и не ведал, что отцу давно известно о его коротких встречах с Марусей, крепостной их девкой. Только до поры до времени виду не казал. А зачем? Пусть сын побесится, налюбуется вдоволь, ведь иная совсем жизнь ждет его скоро. Приедут глашатаи царские, всех отроков, кому исполнилось пятнадцать лет, призовут на службу. И попробуй не явись по Разрядному приказу, ведавшему призывом! Это тебе не в Литовском княжестве, где новика откупиться можно, коли деньги есть, а то и отговориться: мол, один только сын у своих родителей, кто за именем присмотрит? Или на болезнь какую сослаться. В Московском царстве многим можно поплатиться за послушание! И штрафом, и выселением, и острогом. И не важно – один ты сын у родителей, или вас пятеро. Царский указ – он один для всех и на всякие случаи жизни предусмотрен...

Бедны были князья Засекины. Родовиты, но бедны. А у Осипа Пантелеевича всего-то и было, что несколько тощих деревень в новгородских землях, в Бежецкой стороне, да крепостных душ три десятка. А ведь Засекины род держали от князей Ярославских, а те – от самих Ярославичей, в коих текла гордая кровь Рюрика, хозяином пришедшего на русскую землю и ставшего затем ее первым законным правителем!

Пожаловал отец Григорию крепкого еще коня, саблю старую, кольчугу, кафтан поношенный, но весьма по фигуре ладный, шапку и сапоги – хоть и великоватые, но тоже еще ноские. Отрядил слугу Фому, ординарца стало быть. Обнял, перекрестил, посадил на коня и напутствовал: «С Богом, сынок!»

Так и уехал Григорий Засекин – вместе с другими безусыми молодцами-дворянами, собранными по округе, – в далекую Московию нести царскую службу.

И страшно ему было, и любопытно. Но, как любой русский дворянин, Гриша с раннего детства знал, какой путь ему уготован: стать верным слугою царю православному и защищать отечество свое.

А в ту пору, когда выросл Григорий Засекин, было от кого защищать Русь!

– Отрок, отрок! Жив? Глядите, пресветлый князь, глаза открывает...

Это он услышал над собой. Два лица к нему выплывали из тумана.

– Точно он? – спросил тот же голос.

– Что же вы думаете, Андрей Михайлович, я своего спасителя не разгляжу?

– Ну-ну, – усмехнулся все тот же голос, – подумать только, он и магистра решил в полон взять! Прямо на ливонские копыа полез! Без страха и удержу! Молодец!

Григорий, с трудом сфокусировав взгляд, узнал в склонившихся над ним людях Данилу Адашева, командира дворянской конницы с лицом простым и веселым и тяжелой золотой серьгой в правом ухе, и пресветлого князя Андрея Михайловича Курбского. Сам же он, Григорий, лежал под пологом шатра; рядом, тут и там, корчились в муках раненые: остро кололи сердце их тяжкие стоны, а то и в голос кричали искалеченные храбрецы.

– Лекарь! – окликнул Адашев доктора. – Как-то голова у нашего героя, цела? Умом не повредился?

– Не извольте беспокоиться, Данила Федорович, голова цела-целехонька, кожу только и рассек меч – шелом спас. Добрый шелом!

– Ну, очнулся, вояка? – усмехнулся Адашев.

– Ага, – слабо откликнулся Григорий.

– Ага! – передразнил его Курбский. – Ты больше с саблей на копые-то не лезь. На копые рыцарское мушкет есть!

– Да, пресветлый князь, – покорно согласился Григорий.

– Будет жить, – утвердительно кивнул Курбский. – Да молодец же ты, молодец! – похвалил он молодого вина. – Поболе бы таких!

– Говорил тебе: я твой должник, – очень серьезно сказал раненому юноше Данила Адашев. – И таковым долго быть не привык.

Не переоделся еще после сечи лихой командир – вся его кольчуга была покрыта бурыми пятнами. Да и Андрей Михайлович, тоже не из брезгливых, что касалось крови врага, еще не успел снять европейскую кирасу.

– Так и я твой должник, – подмигнул князь Курбский Григорию. – Лучшего командира ты для меня спас нынче. Как твоя фамилия, отрок?

– Засекин, – проговорил Григорий. – Князь Засекин, – с гордостью добавил он.

Курбский нахмурился, прищурил левый глаз.

– Ярославские?

– Новгородские – из Ярославских.

– Значится, мы с тобой дальняя родня. – Воевода покачал головой. – Вдвойне приятно. Был такой князь на Руси – Федор Ростиславович Черный, из смоленских, если тебе ведомо. А после первой женитьбы еще и ярославским стал. Овдовев, вторым браком на ордынской княжне Анне, правнучке Батыя в Орде женился и детей нарожал. У Давида, его сына, тоже был сынок – Василий Грозный, вот его сыновья-то и стали нашими корнями: от Василия Васильевича Курбские пошли, а от Глеба Васильевича – Засекины. Так-то, брат! А через Анну еще и кровь самого Чингисхана примешалась. Славные у тебя предки были – гордись ими!

– Горжусь, – не без труда кивнул Григорий.

– Как и Данила Федорович, буду рад тебя видеть, княжич. Найдись, когда ноги поднимут.

– Так что же ливонцы – сдались? – набравшись храбрости, спросил Григорий.

– Как же им не сдаться, когда у нас такие бойцы, как ты? – Курбский переглянулся с Адашевым. – Не мудрено!

– А как Дерпт, будем брать? – не удержался от очередного вопроса Григорий.

– Будем, будем, – довольно усмехнулся Андрей Михайлович. – Ты пока раны зализывай, отрок, да сил набирайся!

Как только два полководца ушли, вихрем подскочили Петр со Степаном.

– Живой! Живой! – бухнувшись на колени, Петр Бортников ударил кулаком по скамье, но тотчас ойкнул, отдернул руку.

– Хорошо еще, не друга своего по башке хватанул, – урезонил его немолодой уже Фома. – Мечом не намахался, что ли?

– Цыц, – шикнул в ответ Петр. – Ишь, разговорился, холоп!

Степан, тоже опускаясь на колени перед постелью товарища, усмехнулся. На этот раз Петр тихонько дотронулся до здорового плеча раненого друга и вдруг совсем по-мальчишески... заплакал. Слабо сжав руки товарищей, заплакал от счастья и Григорий. При друзьях-то позволительно было.

– И не только сам живой, а еще и Даниле Федоровичу Адашеву угодил, – похвалил Петр. – Жизнь спас!

Степан Василевский охотно поддержал:

– Да уж, такого не позабудешь!

Вскоре Фома выпроводил их, а Григорий еще долго смотрел на грубую холстину – крышу походного лазарета, и слезы текли по его щекам, едва тронутым весенним пушком.

А еще два дня спустя, разбуженный канонадой, Григорий выбрался из санитарной палатки и, опираясь на саблю в ножнах, покачиваясь, забрался на холмы, где совсем недавно величаво сидел в седле рыцарского коня магистр ордена. Летнюю ночь в клочья рвала канонада. Адский пламень изрыгали бомбарды в сторону Дерпта – палили по его крепостным стенам и башням, а мортиры – посылая снаряды навесом – жгли сам город.

19 июля 1558 года не выдержал осады старинный город Дерпт – сдался на милость победителя и вновь стал Юрьевым.

Скоро Григорий вернулся в войско, что грозным маршем шло по ливонским землям, оставляя там, где возникало сопротивление, выжженную пустошь и дымящиеся руины. Сам русский царь благословил полководцев своих стать палачами каждому, кто осмелится перечить его монаршей воле. Не по нраву были юному княжичу кровопролитие и разбой, однако сдерживал он свое сердце – куда еще деваться пусть и родовитому, но бесправному холопу государя всемогущего? Петька Бортников тоже чурался безоглядной резни, но чуждо то было Степану Василевскому.

– Что с бою взято, то свято! – любил повторять Степка, и зло и весело звучала в устах его старинная присказка. – А война без крови – точно море без воды! Добуду свою пядь земли чухонской, ой, добуду!

Так рассуждали тогда многие русские дворяне – их обещали наградить занятыми землями. Сегодня ты с мечом в руке лезешь в драку за городишко или деревеньку, а завтра ты здесь же – помещик и полновластный хозяин.

Один ливонский замок за другим сдавался москвитам. В течение лета и осени все того же 1558 года до Ревеля и Риги дошли русские полки, взяли Курляндию и остановились на границах Восточной Пруссии и Литвы. Через многие бои под командованием Данилы Адашева прошли трое молодых новиков, матерясь, набираясь жестокого опыта.

И тут Ливонский орден неожиданно запросил пощады. Иоанн поначалу не пожелал идти на уступки, но позже передумал. Орден уже готов был рассыпаться, как старое ветхое дерево, Москве же срочно понадобились свежие полки на южных границах. Алексей Адашев решил-таки осуществить давний свой план, который казался ему куда важнее всех ливонских завоеваний!

Полугодовой мир был подписан...

3

Курбский остался с армией устанавливать русские порядки на захваченной ливонской земле, а Данила Адашев в первой декаде марта 1559-го с большим отрядом самых приближенных дворян срочно выехал в Москву. Был среди его бойцов и Григорий Засекин с друзьями.

Через пять дней они въехали в столицу.

– Возьму и вас в Кремль, – сказал Адашев трем товарищам. – Покажу брату лучших моих витязей!

Кланялись Даниле Федоровичу думские бояре и дьяки, служилые князья и воеводы, когда ступал он по каменной лестнице, направляясь к палатам Алексея Федоровича. Адашевы роду были незнатного, но добились многого. Знали бояре: привечает братьев царь Иоанн Васильевич!

Алексей Федорович, друг и наставник государя, будучи человеком набожным и аскетичным, одевался строго – в простой кафтан без всяких золотых вышивок. Да и кабинеты свои обставлял так, чтобы ничего лишнего не было. Стол, стул, Священное Писание. Перо да бумага. Свечи. Всё.

Младшего брата он встретил с радостью, простер к нему руки:

– Живой да здоровый, слава Господу! – Алексей горячо обнял Данилу, поцеловал три раза.

Данила Адашев, прямая противоположность брату – в расписном кафтане, щегольских сапогах с серебряными пряжками и с серьгой в ухе, улыбнулся:

– Скажи спасибо вон тому отроку, – кивнул он на Засекина. – Жизнь мне спас в бою! Да иди же сюда, Григорий, что робеешь?

Молодой человек подошел, низко поклонился.

– Князь Григорий Засекин, – представил его Данила.

– Князь? – удивился старший Адашев. – Ишь ты!

– Дальний родственник светлейшему Андрею Михайловичу, – кивнул Данила. – Тоже из Ярославских.

– Что ж, спасибо тебе за брата, князь, – прищурился, изрек Алексей Адашев. – Ну и как же наградил тебя твой командир, Григорий?

– Кафтаном с плеча, – запинаясь, чувствуя, что говорит глупость, ответил Засекин, но так оно и было.

– Да неужто кафтаном? Да со своего плеча? – рассмеялся Алексей Адашев. – Это ведь, видать, непростой подарок – кафтан! А слабо было хотя бы десятником назначить, а то и ординарцем, а, Данила?

Тут уж и сам Данила Федорович засмутился.

– Считай, уже десятник, – промолвил он. – И ординарец в придачу. А рубится как, – оживился на глазах, – загляденье просто! Одних только рук ливонских поотсекал сколько!

– А коль рубится хорошо, значит, и сотником может служить, а, Григорий?

Краской залилось лицо молодого воина.

– Ну, видать, согласен твой князь сотником у тебя быть, – сказал, посмеиваясь, Алексей Адашев. – А добрые сотники тебе в Крыму понадобятся, брат. И еще как!

– В Крыму? – нахмурился Данила.

Григорий тоже во все глаза смотрел на первого из чинов государства – ждал разъяснений. И Петр со Степаном в отдалении слух наостригли.

– В Крыму, в Крыму, – утвердительно закивал Алексей Федорович. Пригладил чашу бороды. – Через неделю выступаешь с войском, Данила. За тем я тебя и вызвал из Ливонии –

там пресветлый князь Андрей Курбский и один справится. Да у него помощников и без тебя хватает. А нам надобно хана Девлет-Гирея воевать!

Алексей Федорович, возглавлявший внешнюю политику всего Московского царства, был изначально противником войны с Ливонией. Поговаривали даже, что и с самим царем возникали у него размолвки по сему поводу.

– Прежде всего надобно искоренить неверных, злых врагов нашей родины и Христа, – не раз втолковывал царю Алексей Адашев, ярый сторонник войны с мусульманским миром, радетель за выход Руси к южным морям. – Ливонцы хотя и не греческого исповедания, однако ж христиане и для нас неопасны – как собаки битые, что, хвост поджавши, стороной бегут. Другое дело – крымцы. Эти и Христа, и русских ненавидят. А Бог благословляет только войны справедливые, нужные для целостности и свободы государства. Об этом стоит помнить и не забывать!

Не просто так советник царя заговорил о грядущем походе. Ливонский орден запросил мира, и Адашеву-старшему открылись перспективы долгожданной войны с южными соседями Руси.

– Эта змея Девлет-Гирей со своим выводком так по Черному морю и катается, в Днепр заходит, вверх идет, города обирает. Купцам нашим головы рубит! Вот-вот ударит исподтишка, пока мы с ливонцами разбираемся. А змеенышей у него много! И все прибывает в полку его. К тому же султан турецкий так и подначивает Девлет-Гирея на Русь идти! – Алексей Адашев еще раз крепко обнял брата: – Вот что, Данила, как ты знаешь, в твою честь князь Михаил Иванович Воротынский, друг наш сердечный, пир сегодня решил устроить, так ты бери своих молодцов, – кивнул он на Григория и стоявших в отдалении Петра и Степана, – пусть меду вволю попьют, что и говорить, заслужили! – Подмигнул бойцам: – Да на дев юных заодно поглядят-полюбуются.

За Москвой-рекой рдел закат. Алое солнце разливалось по снегам, обложившим стольный град, по заледенелой и заснеженной реке. Розовым вечерним золотом рассыпалось по крышам слободских домов. Сани то и дело пролетали туда и обратно. Дым валил из печей. Огоньки уже светились в иных окнах. Счастливое Замоскворечье готовилось пить брагу и мед. Ветерок гулял – еще не весенний, холодный. Далекий женский голос, высокий и пронзительный, уже хмельной, выводил за Москвой-рекой песню...

– Слышь, Гринь, вот нам свезло, а? – толкал Петр своего друга в бок, когда они втроем шли вдоль берега к хоромам князя Воротынского. – Закрутилось колесо! Это ж надо: разок командира из полымя вытащил, вот тебе и удача на всю жизнь!

– Поумерь прыть-то, Петька, – осаживал его Григорий. – Как солнце светишься! Холодку напусти!

Друзья принарядились – в самое лучшее оделись. Кафтаны, расшитые штаны да сапожки из дорогой кожи. Сверху – шубы. Шапки из алой да изумрудной парчи с отворотами. При саблях на широких кожаных ремнях шли молодые воины.

– Ты – князь, ты и напускай холодок, – говорил ему товарищ, выкатывая грудь колесом. – А тверскому дворянину Петру Бортникову и так ладно будет. Пусть видят – радуюсь я жизни!

Шагов за двести до терема Михаила Ивановича Воротынского, до высоких и расписных его хором, Степан остановился.

– Не пойду я туда, – сквозь зубы процедил он.

– Почему? – удивился Петр.

– Не пойду и все.

– Не дури, Степан, – весело сказал Григорий. – Нас втроем пригласили – втроем и придем.

– А я и не дурю, – огрызнулся тот. – Пришли втроем, а к светлому князю Михаилу Воротынскому вдвоем идите. Или забыли, что я – его человек? Что оружие, которым я ливонцев бил, на его деньги куплено?

– Ерунда, Степан, – выдыхая пар, ободрил его Григорий. – Мы все – воины государевы, и потому равны.

– Ты сам-то веришь тому, что говоришь? – спросил Степан. – Это в бою мы равны, пресветлый княжич, а тут, у хором князя Воротынского, все иначе. – Рыжеволосый Василевский зло усмехнулся: – Как меня представлять будут – боевым холопом князя Воротынского? Меня и за один стол-то с ним не посадят, ведь дворянин я только наполовину. Мать моя, полька-бесприданница, которую отец и прокормить не мог, за простого княжеского десятника вышла, чтобы с голоду не помереть, так и звание свое шляхетское потеряла. Так что я для всех важных птиц на московской земле – черный человек. И заметили меня потому лишь, что мечом владею лучше других. Вот и вся заслуга. А коли усадит меня за стол твой добрый ангел-хранитель Данила Адашев, так сам Воротынский взглядом меня, раба своего, спалит! Так куда ж мне с вами? – Желваки так и ходили по крутым скулам Степана Василевского. – И в стороне стоять тоже не хочу, когда вы с ним кубками звенеть станете. – Он затряс головой: – Не пойду!

Но Григорий вовремя схватил боевого товарища за рукав:

– Я без тебя за стол не сяду! И Петр тоже. Прогонят – вместе уйдем!

– Может, ты вместе со мной еще и под розги княжеские ляжешь?

– О чем ты? – Рука Григория, державшая кафтан друга, сама собой ослабла.

– Светлый князь Михаил Иванович Воротынский однажды выпороть меня приказал, мне лет двенадцать тогда было. Я его сынку, княжонку, физиономию однажды разбил. Да за дело! Сам лез на рожон: думал, раз я холоп, так все съем. Ан не тут-то было! А меня скрутили, хоть я кусался и волосы драл дворовым, били, били, чуть дух не выбили. А что, ежели и на сей раз я ему не глянусь, а? А дворовых у него завсегда много – на любой случай жизни. Так что прощевайте, братцы. Без меня нынче обойдетесь.

Степан повернулся и, прижав саблю к бедру, быстро зашагал по скрипучему снегу в противоположную сторону. Ни Григорий, ни Петр так и не посмели окликнуть его: пустое дело, уж они-то характер своего друга знали.

Подходили два товарища к терему Михаила Ивановича уже невеселые. Прав был Степан: не на поле боя они тут, а пред очами родовитого князя Воротынского, и потому не равны.

А княжеский терем был сплошное загляденье – и выше, и роскошнее многих на Московской земле. Богаты и знатны были Воротынские, и горды своей кровью: родство вели от черниговских князей, потомков Рюрика, и кровь Гедиминовичей, великих князей литовских, через Ольгерда примешалась к ним. Долго они служили великим князьям в Литве, пока католическая вера на землях княжества не стала наступать на веру православную. Тогда Воротынские, как и многие другие князья, перешли на сторону Москвы и вот уже более полувека, как осели. Служили поначалу Ивану Третьему, взявшему в жены греческую царевну Софью Палеолог, затем их сыну Василию Третьему, а теперь вот уже и внуку русских венценосцев – Ивану Четвертому Рюриковичу.

Высокий терем с десятками крыш и резными наличниками бросался в глаза еще издалека. Прочный бревенчатый забор в три человеческих роста окружал его, высокое и широкое парадное крыльцо выходило на Москву-реку.

Тут уже было многолюдно и шумно. На крыльце и поблизости топтались десятка полтора княжеских слуг – бородатых, грозных и суровых, в длинных тулупах, с топорами и при саблях. Гости собирались – и много! Кого тут только не было – любой думский боярин считал за честь пожаловать к царскому вельможе и полководцу, старшему другу Алексея Федоровича Адашева и князя Андрея Михайловича Курбского. Это они, первые из первых, собрали

Ближнюю думу, когда в порывах боярского своевластия, как меж пожаров, годами металась Русь. Они вразумляли словом и делом дикого сердцем молодого царя и смогли-таки за одно десятилетие навести порядок в Московском царстве.

Слуги разводили лошадей и коляски по двору.

– А девицы-то, гляди, Гриня, хороши, а?! – придерживая саблю, шепнул Петр. – Не соврал Алексей Федорович!

Во все глаза Григорий и Петр наблюдали, как отцы семейств, приближенных к Воротынским, помогают женам и дочерям выйти из повозок, изнутри выстланных мехами да шубами. Платки под самый подбородок и шапки соболями матерей семейств скрывали поллица, а все остальное – широкие расписные платья да шубы. Зато у девиц лица были открыты, волосы уложены косами на затылке, укрыты теплыми платочками.

Едва они увидели московских красавиц на выданье, как тотчас забыли о Степане: сам виноват – горяч больно, норовист. Еще опомнится, пожалеет.

В просторных сенях раздевались. Холопы из домашних князя, низко кланяясь, подхватывали шубы и кафтаны, волокли прочь. Натоплено было в тереме изрядно. Пахло свежей сосной, а еще – яствами. Крались ароматы из пиршественной залы, куда уже несли на серебряных блюдах поросят и осетров, пироги и закуски.

Данила Адашев первым подметил двух молодых людей, явно стеснявшихся, потиравших руки с холода, поглядывающих на раздумывавшихся от скромности и морозца девиц, что опускали глаза. В красном кафтане, расшитом золотом, с тяжелой золотой серьгой в ухе, с короткой стрижкой в скобку, русоволосый ясноглазый Данила Федорович был похож на удалого атамана с окраины Руси, разорившего богатый персидский караван.

Проходя мимо, подмигнул, хлопнул нерешительных своих бойцов по плечам:

– Смело держитесь, не робейте! – Адашев заговорщицки понизил голос: – Только моргайте перед девками поменьше, они этого не любят. А вот подмигивать не забывайте! Где еще столько цветов весенних среди зимы увидите? Разве что во снах молодецких!

Вскоре двух бойцов, входивших в пиршественную залу, объявили и всем гостям:

– Князь Григорий Осипович Засекин и поместный тверской дворянин Петр Бортников! – ударил посохом в деревянный пол окольничий князя Воротынского. – Из Данилы Адашева дворянской конницы!

На молодых людей смотрели с любопытством. И как же иначе: новые лица. Тем паче, уже молва прошла, один из них Данилу Адашева от смерти спас! Девушки из боярских семейств глядели с особенным вниманием – всякий юноша, привеченный в доме князей Воротынских, да еще прославившийся в битвах, долгожданным женихом мог оказаться.

Друзей посадили за стол, а гости все подходили – все новые имена громко проговаривал окольничий князя Воротынского.

– Боярин Дмитрий Иванович Курлятев с сыном Иваном и дочерью Людмилой! – особенно торжественно и с расстановкой объявил вновь вошедших бородатый стольник в длинном кафтане и высокой шапке.

Дмитрий Иванович Курлятев, уже немолодой царский вельможа, хорошо был известен всей Москве и ратными делами, и тем, что считался приближенным еще Василия Третьего, отца Иоанна. Широкий в кости, важный, с лопатообразной бородой, любивший одеваться и жить богато, Курлятев внушал почтение каждому, кто оказывался пред его очами. К тому же он был одним из тех, кто входил в Ближнюю государеву думу. Как и князь Воротынский, слыл другом окольничему Алексею Федоровичу Адашеву и протопопу Сильвестру; прославился Курлятев и как один из реформаторов Московского царства.

Дмитрий Иванович держал под руки своих детей – молодого человека в богатом кафтане, похожего на отца статью и широкой фигурой, и светловолосую девушку лет шестна-

дцати в синем сарафане с золотым шитьем. Ее косы кольцами были уложены на затылке, золотистые завитки плелись от ушей и касались плеч.

– Вот это девица! – зачарованно прошептал Петр.

– Хороша! – поддержал его Григорий.

– Да как хороша! – не унимался друг. – Глаз не отведешь. Царевна!

– Да ты потише, не то отец ее услышит, – усмехнулся Григорий. – Или братец. Скажут, что за медведи такие? Откуда?

Но не тут-то было: сотней голосов гудела княжеская трапезная. А Людмила Курлятева, едва произнесли ее имя, покраснела и глаза опустила.

– Вот бы с такой полюбоваться – и до самого до гроба! – продолжал Петр, но совсем тихо, когда дочь боярскую усаживали неподалеку от молодых людей. – Ох бы! Сабля острая, конь белоснежный и дочь Дмитрия Ивановича Курлятева – Людмила! Вот оно, счастье!

– Ты губы-то подбери, да слюни утри, – покачал головой Григорий. – За такую невесту отец ее с тебя поболее, чем коня с саблей потребует.

А потом вышел к гостям и сам хозяин дома, и тоже не один.

– Мария, дочь моя средняя, – представил он честному собранию девушку, которую держал за руку. – Кто ее знает, кланяйтесь, а кто не знает, знакомьтесь!

Вот когда Григорий увидел свою княжну! Свою Марию с темными косами, плотно свитыми на темени, в ярко-красном, расшитом золотом сарафане, в рядах янтарных бус на высокой груди и золотых серьгах. Синеокою, темнобровую, улыбчивую...

И глаз от нее уже отвести не мог.

«Только бы недалеко Воротынские от меня сели! Только бы недалеко!» – шептал Григорий, как заклинание, и краснел, точно рак.

А когда слуги отодвинули резной стул и девушка, подобрав сарафан, села напротив, едва зацепив взглядом ясных глаз молодого человека, сердце у Григория так и зашлось.

Он подтолкнул Петра локтем, чтобы указать ему на княжну, но тот и не дернулся.

– Смотри же на нее, смотри! – с придыханием вымолвил Григорий.

– Да уж обсмотрел всю с головы до ног, а все мало! – откликнулся Петр.

– Куда ж ты смотришь?!

– На кралю Людмилу Курлятеву и смотрю, а ты куда? – прошептал Петр.

Григорий не успел ответить – начался пир. Принесли миски с водой и полотенца, чтобы чистыми руками рвать птицу да зверя, брать хлеба и овощи. Забегали слуги, наполняя кубки вином, медом и брагой. Кубки поднимали за царя-батюшку Иоанна Васильевича, что нынче прихворнул, простудился; за грозу ливонцев Андрея Михайловича Курбского, который с войсками в Ливонии остался; за Адашева Данилу Федоровича и всю русскую армию.

Главным из гостей в московском тереме Воротынского был, конечно же, Алексей Федорович – первый советник царя Иоанна. Старший Адашев трапезничал скромно, вино едва пригубил, к мясу и сладостям не притронулся, но других под свою дуду плясать не заставлял. А стол буквально ломился от яств! Тут тебе и поросята жареные, и олени, и перепела... Осетрина и стерлядь! Икра!

Гости пили мед, раздирали рябчиков и перепелов.

– Так какой из этих храбрецов спас тебя от меча ливонского? – спросил Данилу Адашева князь Михаил Воротынский, утирая ладонью бороду, которую уже в меру побрила седина.

– Да вот он, – указал через стол командир дворянской конницы на Григория. – Молодой князь Засекин! Из ярославских княжат. Прошу любить и жаловать! Отчаянный рубака и друг мой теперь на веки вечные.

Юная Мария Воротынская тут же потянулась взглядом к молодому человеку напротив, и Людмила Курлятева, что сидела поодаль, как и другие девушки, тоже вытянула шею.

– Вот когда позавидуешь тебе лютой завистью! – едва не плача, зашептал Петр. – И почто не я оказался рядом с Данилой в том бою?! Пусть хоть бы и руку потерял, зато моей бы стала Людмила, разом бы стала!

– Ты руками-то не разбрасывайся, – пунцовый от смущения и гордости, шикнул на товарища Григорий. – И не до тебя мне сейчас...

– Так пусть юный князь расскажет нам, как все было, – попросил хозяин дома.

Лицо Григория совсем залилось краской.

– А он, гляжу, скромненький, – продолжал Михаил Воротынский. – Что ж, доброе качество души. Но рассказать все же придется. Просим, княжич! Уважь-ка хозяина!

И опять Григорий встретился взглядом с юной княжной. И опять она, улыбочивая, одарила его теплотой синих глаз.

– Да дело было так, – несмело заговорил Григорий. – Бью я ливонцев в самой гуще, смотрю, один из наших под конем лежит, барахтается. Ближе смотрю, а это Данила Федорович...

– Что ж ты под конем-то делал, Данила? – спросил кто-то из гостей, и все засмеялись.

– Ты, давай, дело говори, – хохотнул и Адашев-младший, – а не то мне самому рассказывать придется. – Он поглядел на остряка: – Убили моего белоснежного, вот я и барахтался под ним, выкарабкаться пытался...

– А тут два ливонца с копьями на Данилу Федоровича, – начал вконец стушевавшийся Григорий, – хотят, значит, его прикончить. Рядом уже совсем. Ну, я одному чухонцу руки отсек по локотки, а другому саблей всю физиономию снес. Тут Данила Федорович и выбрался из-под своего коня. Вот и вся история.

Воротынский рассмеялся:

– Добрый княжич, и рассказывать мастак! – Он оглянулся на Адашева-младшего: – Повезло тебе, Данила, с бойцом-то, ничего не скажешь...

А Григорий уже вновь смотрел на Марию. И та не отводила взгляда – смотрела теперь открыто и прямо, только по-прежнему слегка краснела и смущенно улыбалась.

Пир был долгим. Славил царя-батюшку, жену и детей его, холопов верных: князей и бояр, дворян служивых, митрополита Макария и все духовное сословие, всю землю русскую. Потом зазвали скоморохов, те дудели в дуды и трещали трещотками, пели и кувыркали на все лады перед разомлевшими от пищи и вина гостями.

Мария Воротынская и Людмила Курлятева, одноклассницы, оказались еще и подругами. Да и странно было бы, случись иначе: отцы-то их и сами дружны были, и делом одним занимались – воевали за Русь и обустроивали ее. Захотелось теперь обоим похвастаться красавицами-дочерьми, вот князь Михаил Воротынский и попросил обеих девиц станцевать гостям. Дмитрий Курлятев, крикнув, одобрил его просьбу.

Да и девушкам под гусли и дудки не терпелось уж пройти по кругу, показать себя, удивить не только скромностью и статью, но и огнем, которого тоже имелось в достатке.

И когда Григорий ловил взгляд раскрасневшейся в танце девушки, он уже точно знал, для кого она танцует сейчас. Ведь нашли они время, пока гости бражничали и галдели, и словом перемолвиться, и подержать друг друга за руки. Тем паче что за окном рано стемнело и принесли свечи. А гулянье только еще разворачивалось. Глядя на ее танец, Григорий сжимал кубок, а ему все казалось, что он держит на ладони, как и часом назад, нежную ручку Марии. Видит ее губы – и так близко! Потянись только – и коснешься! Темно-синие глаза, ясные и зовущие. И, конечно, пока стояли они вдвоем, было время услышать: «Буду ждать вас, Григорий Осипович, когда ратные дела улягутся, к нам в гости. Когда все подвиги совершите. Батюшка зело рад будет...» «А будет ли? – думал Григорий, пылая лицом и стоя

слишком близко от юной барышни в одном из углов перевернутой с ног на голову шумной и хмельной трапезной. – Будет ли? Ведь я беден, непростительно беден...»

И у друга его, Петра Бортникова, тоже выдалась минута перемолвиться с милой Людмилой Курлятевой. Мария помогла – шепнула подружке, кто грозитя иссохнуть по ней точно подрубленный молодой дубок, ежели не ответит она ласковым словом нежданно-негаданному воздыхателю. А тот, надо сказать, и без того приглянулся боярской дочери, смешливой Людмиле, и Петру для того даже с рукой не пришлось расставаться.

«Никогда ее не забуду! – думал Григорий, когда по окончании пира пришлось раскланяться с хозяевами дома и другими гостями и, одевшись, выйти с Петром на мороз. – Машеньку Воротынскую, милую мою! Всегда помнить буду...»

Хмельные, влюбленные, брели они под луной, рассыпавшей золото по засыпающей Московии. Брели от хором князя Воротынского в Замоскворечье, в сторону своих палат – только не княжеских, а для новиков: с тесными койками вплотную друг к дружке да сундучками для пожиток. Убьют кого в битве – вот и свободная койка другому новику, и место для другого сундучка.

На белом жеребце под дорогой попоною догнал их Данила Адашев, без шапки, в кафтане нараспашку. Ординарцам крикнул:

– Вперед скачите – догоню!

Разом остановил коня, провернулся на одном месте, едва не сбил юных своих бойцов.

– Хороши девки, а? – усмехнулся командир. – Приметил, как вы их по углам-то растащили! Спасибо скажите, отцы не видели, – он снова усмехнулся. – Да только не больно заглядывайтесь на девиц-то этих, други мои!

– Отчего ж не заглядываться-то, Данила Федорович? – хмурясь, поинтересовался Григорий. – На кого ж тогда и смотреть прикажете?

– Смотреть смотрите, милые отроки мои, да не обещайте многого ни себе, ни им. Скоро в седла возвращаться. При сабле, копье, в кольчуге. К Десне и ко Днепру мы поедem, да скоренько поедem! Битвы у нас будут лютые – не все вернутся. Крымские татары злые. Ох, злые! И много их, бесов, встретит нас за днепровскими порогами! Но коли заступиться перед какой девкой или родней ее надо будет – помогу. Слово Данилы Адашева. Так что пользуйтесь добротой моей, пока жив я! – Он весело хохотнул. – Да сабли точить не забывайте, когда языки устанут! – Командир подмигнул им, хлопнул рукой в перчатке по конской шее: – Поше-е-ел! – И только снег из-под копыт его бешеной лошади полетел комьями в сторону новиков.

Но о барышнях молодым людям и помышлять не пришлось – эти несколько дней были заняты сборами. Сабли надо было точить да кольчуги чистить.

В сотники Данила Адашев своего спасителя производить не торопился, а вот десятником среди новиков Григорий стал уже на следующий день после пира у князя Воротынского.

Одно удивило товарищей: Степан Василевский после той их пикировки держался особняком и все хмурился. Григорий и Петр были уверены, что он дуетя на них за тот званный вечер, от которого сам отказался. Хотя они-то чем провинились пред ним? Но Степан точно таился от друзей, скрывал что-то. И вот за день до выхода конного дворянского полка из Москвы, когда у всех кафтаны были вычищены, кольчуга и оружие справлено, Григорий, глядя, что Степан будто и забыл обо всем, недоуменно заметил:

– Ты чем воевать-то будешь с крымцами – кулаками? Ты в моей десятке и потому должен лучшим быть!

Однако Степан вдруг криво усмехнулся:

– Не в твоей я десятке, пресветлый княжич.

– Как так? – посерьезнел Григорий.

– А вот так, – зыкнул исподлобья рыжеволосый Василевский. – В тот вечер, когда вы пировать пошли, я одного хмельного паренька от мужичьих кулаков спас. Двух обид-

чиков его, из черного сословия, кажись, покалечил даже... Так вот этот самый спасенный, хмельной баламут, вельможей оказался – отец его из царевых ближних или вроде того. В Кремль, словом, вхож и в покои государевы. Паренька Федором зовут. Я до дома его проводил – хороший такой дом, у Неглинки. Отец так уж обрадовался, что меня аж пятью рублями наградил...

– Ого! – перебил товарища Петр.

– Вот именно – ого, – передразнил Степан.

– И что же дальше? – спросил Григорий.

– А то дальше, что отец этого парня, Федора, расспросил меня, кто я и откуда. Я все рассказал как на духу: мол, воевал целый год, ливонцев перебил тьму. А он: что, мол, хорош в битве? Ну что скрывать, я ему: саблей владею и копьем, топором, пищалью, ножом, да всем, чем угодно. В кулачном бою могу все кости пересчитать. Только вот родством не вышел. Кровью этому миру не угодил, а так все слава Богу...

Петр вздохнул, потупил взгляд. Григорий покачал головой:

– Как заноза засела в тебе эта кровь.

– Хуже! – огрызнулся Степан. – Хуже...

– Ну ладно... А дальше-то что?

– Тогда меня отец этого парня, Федора-шалопая, и спрашивает: а не хочешь ли ты, дескать, ко мне в услужение пойти? И жалованье тотчас пообещал. Причем в три раза поболее, чем на царевой службе, в коннице Данилы Адашева. Я говорю: дак кто ж меня отпустит? А он отвечает, чтоб у меня голова о том не болела, он-де все сам сделает. Тогда я другой задаю вопрос: а как же, мол, князь Воротынский, которому я служу даже тогда, когда войны нет, ибо я – его человек? Так не крепостной же ты ему, смеется мой благодетель, так? Так, отвечаю. Вот и ладно, молвит. Ну, а коли он тебя попросит рубашку последнюю снять, говорит отец паренька, что на его, то бишь князя Воротынского, деньги была куплена, все одно не печаль. Я тебя, говорит, сразу в парчовый кафтан наряжу и обратно его не потребую. А что до оружия – сам выберешь, по своему вкусу и усмотрению. Оружейная у меня – загляденье! Так пойдешь? Я и ответил: пойду.

Григорий хлопнул руками по ляжкам:

– Вот чумовой!

– И вовсе не чумовой я, – на сей раз куда увереннее усмехнулся Степан. – Мне сегодня и бумагу принесли, – он полез за пазуху, – что я могу быть освобожден от службы царской в дворянской коннице, как новик, ибо теперь я – служилый человек Алексея Григорьевича Басманова и к его дому приписан со всеми своими потрохами. – Одной рукой Василевский зацепил рубаху на поджаром животе и оттянул ее, другой – подал свиток уже бывшему соратнику: – Так что погляди да верни, десятник Григорий Засекин. – Меня уже сегодня Басмановы у себя ждут. И трапеза ждет сладкая, и постель мягкая.

Григорий развернул свиток, пробежал по строкам глазами.

– Да, видать, дружба с Кремлем у твоих Басмановых знатная, коль они вот так запросто тебя из войска, да еще во время войны, отписали, – коротко взглянул он на товарища.

– Выходит, знатная, – важно кивнул Степан.

– А вот как я порву сейчас этот свиток? – очень серьезно спросил Григорий. – Тогда что?

– Не советую, – вскинулся Степан. – Рвать царский документ с печатью Разрядного приказа – это преступление и наказывается палками, если не хуже! – Он протянул руку за свитком: – Верни!

Но товарищ медлил.

– Давай, говорю! – растопырил рыжую пятерню Степан.

Григорий со вздохом протянул свиток, и друг торопливо сунул его обратно за пазуху:

– Так-то надежнее.

– А как же ливонцы и крымцы с ногами? – не удержался от вопроса Засекин.

– Оставляю их всех тебе, княжич, – прищурился Василевский. – Ты ведь у нас о славе грезишь, не так ли? И тебе, Петр, оставляю, – кивок в сторону Бортникова. – Вам теперь басурман на всю жизнь хватит – бить не перебить. До самой смерти. – Степан поднялся с койки, прихватил лежавший рядом кафтан: – Мне в Ливонии, которую я прошел от восточной границы до западной и от южной до северной, даже пяди земли не перепало! Молод я, видимо, землю свою иметь – так, наверно, полководцы наши решили. Повоевать, мол, еще надо, кровушкой с землей чужой поделиться. А выживу ли? – Он ткнул пальцем в Григория: – Знай, отныне я иную судьбу выбираю! Буду псом верным тому, кто кормить станет вволю и ничего для меня не пожалеет!

Григорий и Петр наблюдали молчком, как Степан собирал скромные пожитки, нехитрую одежду, оружие. Горько им было. Всем троим. Расходились их пути-дорожки – в разные стороны расходились...

Глава 2

Крымский поход Данилы Адашева

1

В конце марта у Чернигова, на реке Десне, стоял звонкий стук топоров. Вся округа дрожала – тысячи работных людей, а с ними стрельцы и казаки, валили лес. Точно скелеты огромных рыб тут и там вырастали остовы будущих лодок с высокими носами. Выходили они почти как те дракары, на которых ходили варяги.

Данила Адашев лично от рассветной зорьки до зари вечерней ходил меж лодок и следил за строительством. Корабельных дел мастера побаивались известного воеводу, приближенного к царю человека. Так и летали, все желания предугадывали. На каждый вопрос загодя готовы были ответить.

Молод был Адашев, но опытен – ничто не ускользало от его внимания. Месяц дали сроку – пятьсот лодок должны были по истечении его отчалить от черниговского берега. Оттого и работали все до единого. А голов лентяев Данила Адашев не пожалел бы!

– А и впрямь будешь моим ординарцем, – сказал он Григорию, когда в середине апреля одна за другой просмоленные лодки, прямо и остро пахнущие сосной, сползли с берега. Потом взглянул на притихшего Петра и добавил: – Да и ты тоже. Вижу я, вы друг без друга ни шагу, и на гулянье, и в бою вместе! А добрые сабельки мне завсегда рядышком сгодятся. – Зорко оглядывая «мелкокалиберную», но большую счетом флотилию, Данила шел, сунув пальцы за широкий кожаный ремень. – А то ведь я за спинами чужими не привык прятаться, да и теперь укрываться не стану. Мне ливонских рыцарей не шибко охота бить было, разве что любопытно. – Он сжал кулак в замшевой перчатке: – А вот к крымским татарам, будь они неладны, особый интерес испытываю! А главное, для веры Христовой полезный!..

В конце того же месяца, взяв восемь тысяч бойцов, в большинстве казаков, что променяли вольную жизнь на царскую службу, стрельцов и дворян, флотилия под предводительством Данилы Адашева тронулась вниз по Десне.

Через пару дней впереди открылось широкое русло Днепра – любой сердцу казаков реки, не одно десятилетие кормившей их разбоем. А следом явился взору древний Киев – отец городов русских. На берегах собирались люди и глазели на царский флот: не просто так идет он в низовья Днепра, раз везет лошадей да пушки, ох, не просто! Наверняка замыслил царь московский наведаться во владения хана крымского, столько бед наславшего на землю русскую!

А Даниле Адашеву стоило торопиться! Ведь не только простой люд наблюдал за флотом, но и шпионы татарские могли прознать о планах русского воеводы. А потому шли по берегу конники, зорко приглядывая, чтобы никто из иноземцев, чьи глаза узки да крепка у кого на груди нет, не опередил царский флот. Казаки запорожские в низовьях Днепра, на границе с Крымским ханством, тоже предупреждены были – выставили сторожевые разъезды.

Не ожидали крымцы этакой наглости, потому и не были настороже. В первые дни мая 1559 года флот подходил уже к турецкому городу Ислам-Кермен. Верст за десять до него притормозил флот, а когда опустилась на землю прохладная весенняя ночь, Данила Адашев отдал приказ:

– Потушить факела! Не болтать и не ржать, как кони! Плыть тихо, как рыба плывет, как мышь бежит! Как трава стоит! Лошадям морды повязать! Чей голос услышу, язык подрежу!

И уже разносилось по всем лодкам строгое его указание. А с другой стороны, знали и стрельцы все, и казаки, дворяне: от того, насколько бесшумно они проплывут, зависит, удачно ли сложится их поход. От Ислам-Кермена до Очакова еще день пути. Вот минуют они тихоходом здешние улусы, а потом налягут на весла и к вечеру пройдут мимо турецкой крепости Очаков, выйдут в Черное море, а там и Перекоп близко. А за ним и Бахчисарай – столица крымского хана Девлет-Гирея.

На рассвете, когда все уже немного подустали терпеть и жить ожиданием, показался впереди Понт – Черное море. Сколь враждебное, ибо буквально кишело мусульманскими воинствами всех мастей, столь и желанное для русского царства. Ведь Черное море, как и Северное, тоже открывало великие торговые пути на запад, но – через Босфор, уже столетие безраздельно принадлежавший турецким султанам. Сюда, по Днепру и Южному Бугу, по Дону через Азов уже не первый век свозили мусульманские завоеватели сотни тысяч пленных славян, мужчин и женщин, юношей и девиц, детей малолетних, чтобы потом, преодолев Мраморное и Средиземное моря, продавать их на самом крупном рабовладельческом рынке Европы – в Венеции. Циничной, жадной и беспощадной...

Первые лодки с Даниилом Адашевым выходили в море осторожно – тут могли их встретить турецкие и крымские суда. С турками русский царь старался не ссориться – слишком силен был Стамбул; да и не стремились султаны заходить так далеко на русскую землю – например, штурмовать Москву. Ограничились они тиранией южных славян и греков. Другое дело – крымцы. Более века назад образовалось из Крымского улуса Золотой Орды отдельное ханство. В 1443 году учредил его хан Хаджи-Гирей. Но недолго его потомки держались мира с Москвой. Прошло три десятка лет, и захватили они Кафу и Судак, вторглись в Подолию, разорили Киевскую землю, Волынскую, Холмскую, Белзскую, а уже в 1507 году напали и на Москву, огнем и мечом пройдя по русским землям. А в 1522 году Девлет-Гирей, главный ненавистник Руси, подошел к стенам русской столицы и долго осаждал ее. И позже наведывались в Московию ненасытные крымцы: и Рязанские земли жгли, и Астрахань думали отовоевать. Более другого не давало покоя крымским татарам, что Казань и Астрахань, два ордынских оплота, пали под русскими мечами. Хуже того – подались в услужение царю-москвитину. И злая судьба их служила точно предостережением братьям по крови, сулила грозу скорую, что таилась пока за лесами и степями древней Руси, упрямой и яростной в своих порывах вернуть былое могущество.

Выплыли первые лодки из устья Днепра в Черное море, и тотчас Адашев приказал грозно гребцам:

– Стоять! Стоять, говорю! Весла в воду!

Полководец неистово замахал руками, передавая сигнал и другим капитанам, а те – следующим. Уходили весла в воду, стопоря движение, давая задний ход. Там, впереди, у входа в Черное море, стояли на рейде два корабля. Да только под чьим вот флагом? В утренней дымке хорошо читались лишь их контуры, паруса...

Данила Адашев уже принял трубу, приставил к глазу. Багряный стяг с золотым серпом и такой же звездой выплывал из утренней дымки...

– Турки! – громко объявил он. – Турки, мать их! Оттоманское отродье, будь оно неладно!

«Турки! – понеслось от лодки к лодке. – Турки на рейде!»

После распада Золотой Орды и завоевания Азии и крайнего юга Восточной Европы турками-османами крымские ханы подчинялись константинопольским султанам. Именно из Стамбула направлялись подчас турецкой рукой крымцы воевать Русь. Султан делал вид,

что ничегошеньки о том не ведает, да и русский царь отводил глаза в сторону. А вот казакам наплевать было на высокие церемонии – они легко и запросто отправляли злых оттоманских солдат в мусульманский их рай.

– Придется нам с султаном нынче повоевать, – подмигнув Григорию, покачал головой Данила. – Да простит нас царь православный! Их бы, нехристей, перетопить всех в Черном море как котят, конечно, да жаль, руки у нас пока коротки. Но ничего, найдется и для веселья на крымском берегу пожива! А пока что... Господь нам в помощь!

Турки русских лодок не заметили. На кораблях султана все мирно спали и видели седьмой сон. Самое времечко было – пять утра! Адашев дал приказ тихонько двигаться к турецким кораблям, и несколько десятков лодок с казаками быстро заскользили по тихому морю, легко вспарывая соленые волны. Стрельцов брат не решился Данила Федорович – приметны больно их красные кафтаны. Царское отличие: где стрельцы, там война, значит, объявлена! Вот и флагов тем более разворачивать не стали. А казакам – им все позволено. Лихой душе – лихой путь! Рассвет еще только таился за морем, за спинами казаков, а корабли становились все ближе в рассветной дымке.

– Носами в борта не биться! – сквозь зубы процедил Адашев. – Руками встречать!

И вот уже и пальцами коснуться можно. Разворачивали гребцы лодки. Два дюжих казака, устроившись ближе к носу, вытянув могучие пятерни, уперлись ими в борт. Еще один, на корме, страховал товарищей. На других лодках поступили так же. Эх, сколько купцов заморских таким образом захвачено было! А теперь вот и царю московскому казачья сноровка понадобилась...

Данила Адашев вынул из ножен саблю – сухо лязгнул металл о металл. Глядя на командира, вытащили сабли и Григорий с Петром. Одни казаки поднимали багры – легонько, нежно, точно баб любимых касались во сне, – и цеплялись ими за высокие корабельные борта. Другие – лесенки с загогулинами туда же прилаживали.

Все казачье войско изготовилось к битве: одни сабли кривые достали, другие копьями на борта нацелились. Пищали давно были заряжены – дула так и тянулись к турецким бортам...

На том корабле, к которому подошла лодка Адашева, сонно залопотали по-турецки. А казаки уже тихонько взбирались по лесенкам.

– Пробудились-таки, – поправляя шапку, усмехнулся полководец.

– А что говорят-то, Данила Федорович? – едва слышно спросил Петр Бортников.

– Говорят, звуки странные расслышали. – И вновь процедил сквозь зубы: – Поторопимся, братишки!

Голова турка в чалме высунулась из-за борта. Заспанные глаза округлились – такой кошмар не каждый день снится! Лодки с душегубами-казаками окружили корабль!

Не выпуская саблю из руки, казак оттопырил палец и приложил его к губам:

– Тсс, басурманин! – И задал вопрос уже по-турецки. – Жить-то хочешь?

Турок отступил, потянув из ножен ятаган, истошно заорал:

– Казаки! Казаки!!!

Но казацкий атаман Могила, перегнувшись через борт, уже дотянулся до несчастного саблей – с небольшим замахом резанул турка чуть наискосок по открытой шее. Брызнула на палубу первая кровь. Выронив ятаган, турок, обливаясь кровью и хрипя, шагнул назад и повалился навзничь.

А Могила уже перепрыгнул через борт, выхватил еще и кинжал кривой, и другого турка, что бросился на него с копьем, тоже принял на себя. Саблей отбил копье, а ножом располосовал тому живот, обернутый широким поясом.

И тут взревели сотни голосов над морем, всколыхнулось утро. Казаки так и сыпались горохом на палубы турецких кораблей. Там же, вслед за атаманом Могилой, оказались и Данила Адашев, и оба его ординарца – Григорий и Петр.

Но легкой оказалась добыча. Кто бы знал из солдат султановых, что этакое с ними случится! Выскакивали турки, обнажив ятаганы, и нарывались на копья казацкие. Пищали сотрясали громом утро. «Казаки! Казаки!» – ошалело выкрикивали турки страшное для них слово. И падали на палубы под казацкими саблями.

А Данила Адашев ревел по-турецки:

– Сдавайтесь, нехристи! Всех перебьем!

Григорий и Петр, выглядывая любого, кто осмеливался подступить к командиру, не церемонясь, разили его наповал.

И только когда половина экипажа была перебита и победа была одержана, капитан головного судна, захваченного Адашевым, замахал белым флагом с капитанского мостика. А казацкий атаман Могила, точно оглохший, все еще махал саблей, терзая вражью плоть. Еле оттащили его.

– Кто вы? – спросил капитан – полный турок, бледный, в роскошном халате и широком поясе, в дорогой чалме. – Кому я отдаю саблю?

Перед ним уже стоял Данила Адашев, отирая турецкой чалмой, распотрошенной, свой клинок. Командир не торопился. Отер клинок, спрятал его в ножны – с тем же хлестким сухим звуком. Церемонно поклонился.

– Казачий атаман Семен Могила, – важничая, сказал он. – А вас как величать?

Казаки засмеялись, сам же Могила нахмурился. Товарищи весело поглядывали на него: ну, славы ему теперь уж точно не убудет!

– Али-Паша, – ответил турок и протянул саблю.

– Добрая сабля, – Адашев принял оружие, изъясняясь по-прежнему по-турецки. – Вы, крымские татары, знаете толк в оружии.

Брови пленного удивленно поползли вверх, полное тело принялось приосаниваться:

– А причем здесь крымские татары? Мы – солдаты пресветлейшего султана великой Османской империи!

– Надо же! Эка нас угораздило оплошать! – всплеснул руками хитрец Адашев. – Еще под Черниговом в русском войске была принята договоренность «принимать» всех турок за татар, поэтому командир продолжал без стеснения ломать комедию: – Мы приносим турецкому султану наши искренние извинения, однако после того погрома, что мы тут учинили, нам все-таки придется поддержать вас какое-то время под замком. – Он строго оглядел казаков и даже пальцем для пущей достоверности погрозил: – Ни одного живота более у подданных султана не отыдем! Слово даю атаманское!

Казаки, забрызганные кровью турецкой, неприкрыто скалились, слушая полководца. Улыбались и Григорий с Петром – удалой был у них командир, весельчак, что и говорить.

– Вот возьмем Крым с Бахчисараем, – договаривал тем временем Данила Федорович, – потешимся с женами Девлет-Гирея, тогда и отпустим вас на все четыре стороны. – Адашев «кратко» взглянул на турецкого капитана: – Ну, может, разве что пушки еще снимем с ваших кораблей... А кормить и поить вас будем, даже не сомневайтесь! И вина бы налили, не жалко, да знаем, что вам вера ваша не позволяет. А теперь, – повернулся командир к казакам, – добрые мои помощники, повяжите-ка вы наших соседей по рукам да в трюм отправьте. И поласковее с ними, поласковее! По-христиански то бишь.

Турецкий капитан хоть и хмур был с виду, но в душе успокоился – резать его никто не собирался. Добрым оказался атаман Семен Могила, милосердным! Жаль только, во флагах и гербах несведущ. Ну как можно было не заметить красный стяг с золотыми звездой и полумесяцем?! Сколько бы жизней турецких сохранил, разбойник!

Пленных турок уже загоняли в трюм, когда Адашев выдернул из вереницы одного из них – самого бледного, с трясущимися от вида окровавленных товарищей губами. Турок был не простой – офицер, судя по одежде и знакам отличия.

– Кто таков?

– Юзпаши Ибрагим ал-Батур.

– А ответь-ка мне, юзпаши Ибрагим ал-Батур, что тебе больше дорого – собственные уши или крымцы, татарва недоделанная? – спросил Данила Федорович у турка, пристально оглядывая его голову с боков, точно примериваясь.

– Уши, атаман-баши, – тарабарской скороговоркой пробормотал тот. – Уши дороги!

– И то ладно, – кивнул Адашев. – Улусы здешние крымские знаешь? Ты ведь на пограничном корабле ходишь, все должен знать... Ну?

Еще сильнее побледнел турок.

– Как не знать, знаю, – пролепетал едва слышно.

– Тогда скажи, сколько их, к примеру, в районе... Перекопа? Я-то и без тебя знаю, просто свериться хочу.

Турок быстро-быстро что-то залопотал, в подтверждение слов своих часто-часто кивая и активно жестикулируя. Ему в такт кивал, прищурившись, и Данила Адашев.

– Все верно говоришь? – он приблизил лицо к перепуганному лицу турка.

– Все верно, атаман-баши!

– Смотри, – погрозил ему пальцем Данила, – обманешь, по кусочкам буду резать! – Ухватил турка за шиворот, потрянул могучей рукой. Отыскал глазами Семена Могилу, грозного, страшного, еще не успевшего обтереть саблю, отдышаться после схватки, подмигнул ему. (Тот подошел.) – Вот ему отдам в подарок. (Турок готов был упасть в обморок.) Он если за день руки-ноги хоть одному нехристю не обрежет, белугой воет. Ажно уши затыкай! Сердце вырывает одним ударом, а потом съедает его. Верно?

– Атаман правду говорит, – на турецком подыграл казак Адашеву и положил огромную окровавленную пятерню на грудь турецкому юзпаши. – Съедаю.

– Так не соврал? – еще раз потрянул Данила сотника-турка.

– Нет, атаман-паши, я правду сказал.

– Поверю, – мрачно улыбнулся Адашев. – В трюм его!

Поставив матросами казаков, Данила Адашев созвал на головном корабле всех своих воевод. Прибыл на зов и князь Дмитрий Вишневецкий, командир конницы, обрусевший поляк, верой и правдой служивший русскому царю.

– Идем к Перекопу, – объявил Адашев свою волю главнокомандующего. – Оттуда ударим по крымцам! Покажем хану Девлет-Гирею, чего мы стоим!

2

Перекоп показался через двое суток на третьи. В подзорную трубу можно было разглядеть насыпной вал и канал под ним, соединяющий Черное и Азовское моря, сторожевые башни Перекопа. Их основание заложили еще киммерийцы две тысячи лет назад, но русские воины вряд ли знали об этом. Крымские ханы укрепили Перекоп – углубили ров, подняли крепостную стену, сделали мощными и неприступными древние башни.

Эскадру из многочисленных ладей крымцы уже заметили. Но вот странность: ее возглавляли два боевых корабля с оттоманским флагом! Степной берег Крыма ожил – появились большие разъезды всадников, разглядывая флот Адашева издалека. Кто были эти пришельцы? Откуда приплыли? И что им здесь надобно? Не купцы ли это султана, что плывут торговать в чужие страны? Многие казаки нацепили турецкие чалмы и теперь тыкали друг

в друга пальцами, гогоча. Но кто ходит торговать в далекие земли, думали крымцы, на таких малых лодках?..

А потом эскадра стала приближаться к берегу и вскоре, лодка за лодкой, подходила уже к западу полуострова. Крымцам все стало ясно, как только они разглядели красные кафтаны стрельцов, казачьи шапки, артиллерию и сотни лошадей, привезенных сюда явно не для торговли.

И тут же татарские разъезды как ветром сдуло. Они унеслись, оставив безлюдным крымский берег. Турецкие корабли, захваченные русскими, остались на приколе недалеко от берега. Данила Адашев с ординарцами там же пересел в лодку и теперь одним из первых спрыгнул на вражескую землю, черноморской водой заплескав сапоги с загнутыми носами.

– Время не тянуть! – крикнул он подходившим на лодках командирам. – Выводи лошадей! Стройте стрельцов, конницу, казаков. Артиллерийские наряды готовьте к бою! Всем по куску хлеба и чарке вина и через час выступаем!

Забурлила вода под конскими копытами, тащили казаки и стрельцы на берег пушки. Другие, вооружась топорами, уже шли рубить лес – возводить временный лагерь на случай внезапной атаки крымцев. Кто знает, как быстро они очухаются и соберут войско?

Но конница, дворянская и казачья, уже готовилась к скорому бою. Кашевары из стрельцов раздавали вонам пайки из вина, хлеба, сушеного мяса и вяленой рыбы, чтобы сила была держать саблю в руке.

Адашев решил не тянуть – напасть на крымские улусы тотчас по прибытии. В отличие от русских, при приближении неприятеля привыкших спешно укрываться за стенами городов и крепостей, среди татар лишь самые родовитые, а главное, богатые ханы переняли эту привычку – жить во дворцах за городскими стенами. Например, так жил в Бахчисарае крымский хан Девлет-Гирей. Избалованные цивилизацией, он и подобные ему уже не могли отказаться от журчания фонтанов, тенистых садов, портиков с колоннами, бань с благовониями, просторных спален и подходящих для сего изысканного интерьера шелковых, газовых и парчовых одежд. Да и гаремы приятнее было держать во дворцах, а не в степи! Мелкопоместные же татарские князьки жили по-дедовски, по-монгольски – в своих улусах, в тесноватых шатрах. Здесь ели, спали и любили своих многочисленных жен и наложниц. Рядом паслись кони и овцы. Домашняя обстановка! И тут же занимались грязной работой их многочисленные рабы – пленники из всех городов земли русской.

Вот на это и рассчитывал главнокомандующий. Восьми тысяч солдат для штурма Бахчисарая ему не хватило бы – крымский хан наверняка выставил бы куда большее войско. Раз в десять, а то и в двадцать! Но пока он поймет, что к чему, время пройдет.

Закусив и разгорячившись слегка вином, конница, составлявшая половину войска (а именно – четыре тысячи рубак из дворян и казаков), уже через час двумя рукавами ушла от берега, где стрельцы и пешие казаки возводили на возвышенности нехитрую крепостишку, представлявшую собой вытянутый и крепко сбитый частокол с дозорной башенкой и бойницами для пушек и пищалей.

Частью конницы командовал Данила Адашев, второй – Дмитрий Вишневецкий. Рысью пошли они через крымские холмы и лесочки в глубь полуострова.

– На холмах! – через четверть часа крикнул Адашев, указывая вперед.

Там они увидели небольшой конный разъезд крымских татар, тоже, видно, следивший за ними. Но никто не поспорит с этими прирожденными наездниками в скорости, если нет меткого лука или пищали. Да только расстояние между разъездом и русским войском было слишком большим! Пуля не долетит, стрела тем более. Сорвался с места татарский разъезд и – ушел за холмы, только его и видели!

– Десять гривен золотом тому, кто возьмет толкового языка! – объявил Адашев своим конникам. – Да по лошадям цельтесь, по лошадям! Пеший татарин – скорая добыча!

Дорог здешних русские не знали: где засаду устроить, как обойти, окружить. Но три десятка самых отчаянных, с легкими луками, при саблях и копьях уже готовы были сорваться с места. Атаман-головорез Семен Могила вызвался первым.

– Отпускай нас, Данила Федорович! – едва сдерживая коня, решительно сказал он. – Найдем мы тебе языка!

– С Богом! – кивнул командир. И тут же остерег: – В засаду не попади, Семен, не то сам языком станешь.

– Добро, Данила Федорович! – тоже кивнул Могила, и тотчас казаки, сорвавшись с места и обгоняя поспешающее войско, полетели вперед.

Григорий Засекин, вздохнув, провожал их завистливым взглядом. Данила Адашев уловил его чувства, усмехнулся:

– Не завидуй, Григорий. У тебя еще сноровки маловато. Поверь, это тебе не на ливонцев с мечом бросаться. Тут опыт нужен. Татарин не рыцарь: за кустом спрячется, бац стрелой, и ты – с коня! А он тут каждый кусток наперечет знает. А казачки? лиходеи да душегубы, сами такие засады привычны устраивать, им за татарами и бегать.

Отряд казаков меж тем уже пропал из виду. Данила Адашев, его сотники и ординарцы могли только догадываться, что происходило сейчас за лесистыми холмами прибрежной полосы Крыма. А там всюю уже шла охота Семена Могила и его сотоварищей...

На свой страх и риск, едва оторвавшись от войска, казаки разделились на две части – по пятнадцать сабель в каждой. Так и пошли по холмам двумя отрядами, рыская глазами по округе. Да не было татар нигде – куда ни кинь взгляд.

Скалы впереди, степь, полосы леса...

Вспорхнули вдалеке сразу с десятков птиц из зеленых крон. Подметил Могила это, крикнул:

– Туда, Матвей! Туда!

К счастью, не успели еще два казачьих отряда далеко разъехаться, как товарищ Семена тоже увидел испуганных птиц и понял, куда надо спешить. Только вот беда: отряд казаков татары обнаружили раньше. И когда те выскочили из-за деревьев, крымцы встретили их стрелами. Половина из пятнадцати полегла тут же, но остальные не растерялись. И страха они не знали, и смерть была им подругой! Так и пролетели казаки с копьями наперевес через своих поверженных товарищей, что уже попадали с лошадей. Пролетели и насадили четвертую часть татар на копья. И тут же вытащили сабли. Одним из выживших был и Могила. Рассвирепел он, увидев, как лучше его ребята корчатся на земле, как топчут их собственные же кони, тоже раненные или погибающие. Слизнул его клинок руку первому из крымцев, что с саблей наскочил на него, смахнул голову второму, что теснил одного из его бойцов. Со свирепым рыком полетел на третьего. Страшно они дрались: одно неловкое движение – и нет тебя! Потому как лучше других умели татары драться в седлах резвых своих коней: волчком крутились вокруг врагов, в руки не давались. Трудно было найти равных им в таких битвах!

Кабы не казаки... Тут как раз и второй отряд вырвался из лесочка. Этого крымцы не ожидали. Половину оставшихся насадили на копья казаки, вторую, порубав большей частью, окружили. Метались пять уцелевших татар между ними, но в кольцо взяли их казаки атамана Могила.

– Бросайте сабли, нехристи, а не то порешим всех! – рявкнул на татарском Степан Могила. – Четвертуем всех по очереди!

Бросили друг за другом татары сабли.

– А ну с коней, быстро! – вновь рявкнул атаман.

Татары спешили, и казаки туго связали пленным руки. Перевалили через их же коней, перебросили через них и трупы своих товарищей. Раненых посадили к себе в седла:

дай Бог, кто и выживет. Забрали татарских коней. А убитых крымцев оставили хищным птицам для расправы...

Поредевший на треть казацкий отряд появился из-за холмов как раз в то время, когда навстречу приближалась конница Адашева.

– Жив наш Могила – молодец! – крикнул Данила Федорович. – И с языком едет!

Семен Могила сиял – приказ командира он выполнил, и с честью.

– Товар что надо, Данила Федорович, – отрапортовал он.

– Поглядим, – откликнулся командир.

Спрыгнули казаки с коней, стащили крымцев.

– На колени, вражье семя! – грозно приказал Адашев.

Ткнули татар взашей, поставили на колени.

– Будете говорить то, что хочу услышать, жить оставлю, – пообещал Данила Федорович. – А соврете – пеняйте на себя: всех порешу... Ну?

– Морды вверх, сукины дети! – зарычал Семен Могила. – Вверх! Да выше, выше! Русский воевода говорить с вами желает!

– Где ваши улусы? – приступил к допросу Адашев. – И как до них скорой дорогой добраться?

Крымцы молчали. Данила Адашев и Степан Могила переглянулись: похоже, вряд ли пленные своих выдадут. Ведь там были их родные, может быть, матери, жены, дети. Но когда на Москву эти же татары ходили, разве думали они о чужих матерях и отцах, которых секли кривыми своими саблями, да о женах и дочерях русских воинов, которых насиловали и вместе с детьми малыми забирали в полон?!

А потому, значит, на войне, как на войне.

Выразительно взглянув на казацкого атамана, Адашев кивнул. Семен вытащил из ножен в блеклых кровоподтеках саблю. Подошел к одному из татар, ткнул его клинком в плечо:

– Ну?!

Еще уже стали узкие глаза крымца – лютая ненависть сквозила из этих щелочек. Могила пожал плечами, схватил того за бритое темя, опустил голову вниз. Замахнулся. Страх исказил лицо крымца – все понял. Вжал голову в плечи. Но меток был глаз атамана, и рука была крепка – точен вышел удар. Покатилась бритая голова с изуродованной шеей прочь, под копыта коня Адашева. Вздвогнув, бухнулось на землю тело, ударила вперед кровь.

Забеспокоился конь под командиром, тут же потянувшим узду, ударил копытом по отсеченной голове точно с омерзением, отбросил ее дальше. Григорий Засекин переглянулся с Петром. Одно дело в бою головы резать, и другое – вот так. Страшно как-то, неправильно. Но куда деваться? Чай, не с хлебом-солью пришли они в эти земли...

– Ты – следующий, – кивнул Адашев на второго по счету крымца.

Тот неистово замотал головой, но Семен Могила прихватил и его бритое темя железными своими пальцами, пригнул вниз:

– Будешь говорить?

Затих татарин. Замахнулся еще ожесточеннее атаман. Срезала сабля голову – покати-лась та под копыта коня Григория Засекина.

А Семен уже шагнул к третьему. И этот не выдержал – заговорил. Сбивчиво, вздохнул. И с ненавистью смотрели на него два оставшихся в живых сородича.

– Я не из улуса хана Ибрагим-Бека, – в отчаянии тараторил сломленный татарин. – Я только служу ему! Я пришел сюда со старшим братом из Тамани! Брат мой погиб по вине ханского сына Алтыбека, другой родни здесь нет! Я не хочу отдавать жизнь за чужих людей! Я расскажу, как найти улус Ибрагим-Бека! Только пощадите! – его плечи ходили ходуном, голова тряслась, из глаз текли слезы. – Пощадите!..

– Вот это дело, – кивнул Данила Адашев. – Говори.

Уже через пять минут русские знали, куда держать путь. И сколько ехать рысью. Главное, чтобы не обманом оказалось признание крымца.

– А этих – в расход, – указал на двух последних татар Адашев. – В путь!

– А как же десять золотых гривен, батюшка наш Данила Федорович? – с хитрой улыбкой напомнил Могила. – Обещал ведь!

– Будет тебе десять гривен, коли не соврал нехристь твой, – подтвердил обещание Адашев. – И сто будет гривен, коли возьмем свое!

– Добро! – рассмеялся Семен. Прищурил глаз, взглянув на обреченных пленников. – Чего тянете? – рявкнул на своих казаков.

Двое из тех, что бились с отрядом крымцев за холмами и потеряли товарищей, выехали вперед, доставая сабли; махнули по бритым головам; захрипев, повалились татары в песок.

– А за этим приглядывайте, – кивнул Данила Адашев на языка и махнул рукой: – Вперед!

Дело было сделано, и войско двинулось к холмам по указанному пути.

3

Когда-то Крым представлял собой один большой золотоордынский улус, нынче же раскололся он на многие улусы, в каждом из которых правил свой татарский князек, не сомневавшийся, что он-то и есть пуп земли. Вершил здесь суд по своему усмотрению, угнетал пленных русичей, а то и головы их лишал. Потому как армия рабов пополнялась постоянно жителями самых разных городов и деревень русских.

К вечеру, опередив войско, выехал конный разъезд царских солдат к улусу Ибрагим-Бека. Разведчиков возглавлял Адашев – хотел самолично все разведать, разузнать, рассмотреть. К тому времени таманский татарин доложил уже, сколько в улусе противника и какого отпора ожидать можно командиру русичей. Картина представлялась ясной: нападать надо было разом, не затягивая.

Горячая степь потихоньку остывала. Солнце уходило за море. Дым поднимался над юртами. А были их тут сотни! Табуны паслись, рассыпавшись далеко по степи. Смерть ожидала нынче многих, кто готовился сейчас, испив кумысу, возлечь с очередной наложницей.

Подходило войско. Несколько отрядов сопровождали его по бокам. Крепко держали копья запорожские казаки, составлявшие костяк Адашевской армии.

Обернулся Данила Федорович на своих, задорно оглядел сотников, искавших взгляд командира. Вытащил из дорожных ножен палаш, рассек им теплый крымский воздух.

– Помашем сабелями во славу царя православного Ивана Четвертого Васильевича! – выкрикнул задорно Данила Федорович. – За Русь-матушку и за попорченную веру христианскую покажем крымцам-лиходеям, где раки зимуют! И за кровь пролитую русскую, и за всех православных, кому еще жить предстоит! Да не убоимся чертова отродья! Только с пылу-жару своих не посеките! – грозно прибавил он и двинул своего вороного коня вперед. Подмигнул Григорию и Петру: – Не отставать!

И сорвалось с места, быстро набирая скорость, русское войско. Смерть несли они с собой в этот тихий южный вечер, яростно глядя вперед, держа тяжелые кривые палаши в руках и острые копья...

Заревел улус, плачем, воем оглушая небеса. Заметались лошади, давя людей копытами. А факела уже летели в юрты, паля их. И посыпали оттуда женщины и дети, полураздетые мужчины, наспех хватая серповидные сабли. Но русские палаши уже секли их, не давая даже замахнуться.

«Урус! Урус!» – вопили гибнущие татары.

«Господи, батюшки, свои! Родные наши!» – кричали русичи, полоненные извечным врагом Руси, томившиеся в рабстве. Они еще меньше верили в свое счастье, чем крымцы в беду свою.

Улус Ибрагим-Бека воины Адашева взяли за полчаса. Все вокруг было усеяно трупами крымцев. Уцелевшие, в основном женщины и дети, падали ниц, моля о пощаде. Скрутили Ибрагим-Бека, вытащили его из ханской юрты, поставили на колени перед Данилой Адашевым.

– Будете знать, как добрых христиан резать на их земле, – ткнул в него мечом Данила Федорович, но без особой злобы.

Победа была полной! С пяток человек только потеряли русские, а перебили – полтысячи! Да столько же еще пленили! Адашев раскраснелся, взопреп. Расстегнул три верхних пуговицы на кафтане, усмехнулся:

– Повезу тебя с собой – царю покажу! Да ты не щурь глаз-то свой косой, не щурь! – Рассмеялся: – Он и без того у тебя узок.

Зло смотрел Ибрагим-Бек на своего победителя, столь неожиданно перевернувшего привычную жизнь. Зло и беспомощно.

Шесть недель колобродили казаки под командованием Адашева и польского князя Вишневецкого по Крыму. Уходить решили только тогда, когда Девлет-Гирей собрал наконец пятидесятитысячное войско и повел его из Бахчисарая через Перекоп на русский лагерь.

Но того уже и след простыл – разваленный частокол встретил крымцев, сотни остывающих костров да полсотни перебитых татар, которых передумали адашевы брать с собой в полон. Отплатили русские за иго двухсотпятидесятилетнее!

Только корабли на горизонте и увидел Девлет-Гирей. Аккурат самый задок каравана. Заскрипел зубами хан и двинул свои войска по берегу вдоль моря. А русские лодки, набитые крымским добром и освобожденными из полона соотечественниками, так и шли впереди. В Очакове, у входа в Днепр, Адашев еще раз раскланялся перед турецким капитаном, вдруг горядь заверив его, что не собирался досаждать султану, и высадил на пустынном берегу всех пленных турок, до смерти обрадованных, что не довелось им разделить страшную участь своих соседей и подданных – крымских татар. А пару кораблей их оставил русский командир себе, пообещав непременно вернуть, коли еще раз окажется в этих краях. А пока, дескать, нужны они ему, чтобы удрать половчее от разгневанного Девлет-Гирея.

Армия хана, срезав путь, застала флот Адашева, когда тот входил в устье Днепра. Но слишком широка была река, чтобы накрыть противника десятками тысяч татарских стрел! Да и пушек устроившие погоню крымцы второпях не захватили.

Обходил Девлет-Гирей флот Адашева несколько раз, искал самые узкие участки реки, чтобы посечь стрелами русских, но так ничего у него и не вышло. А сражаться с казаками на воде, на стругах, не решился хан: тут уж запорожским разбойникам равных не было! И оставил крымский хан лютого своего врага у Монастырского острова – начиналась там земля исконно русская.

Два корабля и лодки плыли теперь не спеша – больше можно было не торопиться. А сколько пленных вывезли, скольких от неволи поганой спасли!

Данила Адашев попивал на корме турецкого корабля крымское вино, благодушно взирал на зеленые днепровские берега.

– Вот теперь и о дочке княжеской подумать можно, – переведя взгляд на ординарца, усмехнулся он. – О ней ведь грезить?

Григорий покраснел, кивнул:

– О ней, Данила Федорович.

– Вот что я тебе скажу, Гриша, – в очередной раз пригубив чашу, проговорил полководец, – кровь у тебя великокняжеская, храбрости и удали не занимать. На дочери Воротынского женишься, коли люб ты ей, да и мы с братом тебя не забудем – к двадцати пяти годам воеводой поставим. Все у тебя будет, воин, все, что пожелаешь! Сам еще станешь полки водить – и в Ливонию, и в Крым.

Григорий вздохнул: «Хорошо бы!» Было о чем помечтать. Но пока-то – кто он? Вот бы славу Данилы Федоровича – тогда Машу сразу за него отдали бы!

А Даниле Адашеву славы и впрямь было не занимать. И нынче не оплошал он: возвращался в Москву, пред царские очи, истинным героем. Людей потерял всего ничего, а сколько душ русских спас из плена! Да и подарков дорогих везет в казну немало.

Так думали все. Но человек предполагает, а Господь располагает...

4

Магистр Фюрстенберг понял, что стар и немощен, когда вернулся в Феллин после заключения мира с Москвой в занятом русскими Дерпте. Там, перед князем Курбским, он еще крепился, изображал гордый вид.

Но теперь же...

Гордиться было нечем. Хотелось плакать. Ливония была раздавлена – Русь оказалась слишком сильным противником. Но когда же она стала таковой? Казалось, еще вчера Москва только собирала по частям свои земли, озираясь по сторонам – не ударит ли Казань или Астрахань, Крым, Литва или шведы? Что там чужое – не отняли бы свое, кровное! И вот уже она наступает, как зверь, вырвавшийся из клетки...

Вильгельм фон Фюрстенберг сидел перед огромным камином в полтора человеческих роста. В старой, точно сухая ветвь, руке он держал кубок с вином – огонь и вино только и грели его теперь. Но лишь тело – не душу. Все отныне перевернулось. Будущее отдавало холодом, прошлое терзало сердце. Точно он, Вильгельм фон Фюрстенберг, стал свидетелем заката солнца – последнего его заката.

– К вам коадьютор ордена Готгард фон Кетлер, – доложил секретарь магистра. – Пригласить?

– Да, – откликнулся тот. – Я приму его.

Его первый заместитель по ордену, коадьютор фон Кетлер, слыл человеком деятельным. Практичный администратор, дальновидный политик. И был он вдобавок значительно моложе его, глубокого старика.

Фюрстенберг знал, что коадьютор считается главой пропольской партии в Ливонском ордене, а поляков тут числилось немало. С тех пор как Тевтонский орден, коему подчинялся Ливонский, приказал долго жить, немцев среди ливонских рыцарей становилось все меньше, а поляков прибывало. Кетлера считали рыцарем с «новыми» взглядами. Ища верные пути для выживания ордена, коадьютор мог приготовить для магистра-консерватора любое острое блюдо.

Вильгельм фон Фюрстенберг услышал бодрые шаги, приближающиеся по мраморному шахматному полу. Кoadьютор обошел кресло магистра, низко поклонился.

– Что у вас? – поднимая глаза, сжимая кубок в обеих руках, спросил Фюрстенберг.

– Промедление смерти подобно, магистр, – холодно произнес коадьютор. – До нас дошли известия, что варвары-московиты совершили набег на Крым – ударили в самое сердце крымского ханства. Бахчисарай уцелел только чудом. Лишь для этой цели они и согласились на перемирие с нами – им просто понадобились новые полки. Теперь же они вернутся и, едва закончится срок перемирия, вновь нанесут удар по нашим землям. Нам срочно нужны союзники, которые не позволят разметать в прах Кавалерский Тевтонский орден в Ливо-

нии, – Кетлер назвал полное имя ордена, лишний раз подчеркнув значимость преемственности от воинственных тевтонцев. – Нам потребны самые влиятельные друзья!

Магистр Фюрстенберг понимал, к чему клонит коадьютор. Готгард Кетлер уже заговаривал об этом, и не раз. Сделать Ливонский орден зависимым от Польши, Литвы и других государств. Но это означало одно – потерять раз и навсегда самостоятельность, может быть, исчезнуть даже как суверенное государство с политической карты вовсе! Пойти на такой шаг Вильгельм фон Фюрстенберг не решался. Не простил бы себе подобного предательства древнего ордена меченосцев!

– Я разрешаю вам, фон Кетлер, просить помощи у Польши и великого княжества Литовского, даже у шведов, но только не ценой нашего суверенитета. Заклинаю вас – только не этой ценой!

Фюрстенберг посмотрел Кетлеру в глаза, но тот молчал, точно остался глух к словам своего предводителя.

– Вы слышите меня? – спросил магистр.

– Конечно, – как ни в чем не бывало поклонился коадьютор.

– Ступайте же, не теряйте времени даром, – еще крепче сжимая кубок с остатками вина, проговорил Вильгельм фон Фюрстенберг. – Но? если вы преступите полномочия, орден проклянет вас, помните об этом! Я знаю: и Польша, и Литва только и ждут, чтобы мы признали их своими хозяевами! Ступайте же, ступайте...

Еще раз отвесив поклон, Готгард фон Кетлер повернулся на каблуках и направился к дверям залы, оставив старого магистра наедине с воспоминаниями и горькими думами о будущем.

Кoadьютор Ливонского ордена и впрямь не стал терять времени. Но и всецело придерживаться приказа магистра он тоже не собирался. Заручившись поддержкой первых лиц ордена, за исключением адмирала Филиппа фон Фюрстенберга, 31 мая 1559 года Готгард Кетлер с отрядом избранных рыцарей спешно направился в Вильно, где его уже поджидали польский король и великий князь литовский Сигизмунд II Август.

В посольской зале столицы Великого княжества Литовского хозяин земель великих, пожилой Сигизмунд II в горностаевой накидке и золотой короне объявил своему гостю:

– Господин Кетлер, я буду говорить с вами только в том случае, если вы уполномочены вершить судьбу вашего ордена и его многочисленных земель.

– Вы говорите с преемником Вильгельма фон Фюрстенберга, а значит – с будущим магистром Ливонского ордена, – гордо, но с почтением ответил коадьютор. – Меня поддерживают большинство наших рыцарей. Против – лишь горстка стариков, не желающих мириться с реальностью.

– Ваш ответ меня устраивает, господин коадьютор, – кивнул польский король. – Прошу за стол переговоров.

В тот же день заранее подготовленный документ был подписан. По нему король Польши Сигизмунд II Август принимал Ливонский орден в свою, дословно, «клиентелу и протекцию» и в качестве залога прибирал к рукам всю юго-восточную часть Ливонии. А 15 сентября на протекторат польской короны согласился и независимый до того рижский архиепископ – духовный лидер Ливонского ордена.

17 августа 1559 года Готгард фон Кетлер в сопровождении первых рыцарей вернулся в Феллин и, не в пример прежним визитам, шумно вошел в залу, где по традиции сидел в своем кресле магистр Вильгельм фон Фюрстенберг. Старый бог войны, растративший силы на полях брани, знал уже обо всем – и о самоуправстве его коадьютора, и о предательстве интересов ордена, и о новом хозяине земель рыцарских короле польском...

Группа рыцарей безмолвно остановилась напротив старика-магистра. Дело оставалось за малым. Вильгельм фон Фюрстенберг впери́л тяжелый взгляд в своего коадьютора, но тот,

как и первые рыцари ордена, недвусмысленно молчал. Тогда магистр потянулся к тощей жилистой шее, точно хотел избавиться от сдавившей ее петли, зацепил сухими пальцами лежавшую поверх черного камзола широкую цепь с крестом. Чуть наклонив голову вперед, Фюрстенберг снял увесистый командорский крест с груди и, чуть задержав руку над столом, высыпал цепь – звено за звеном – на темную дубовую столешницу.

– Я передаю Кавалерский Тевтонский орден Ливонии в ваши руки, коадьютор Готгард фон Кетлер, – ровным голосом произнес он. – Отныне вы – магистр ордена.

– Благодарю вас, – едва заметно поклонился Кетлер. – Вы достойно исполняли обязанности командора ордена и не менее достойно покинули свое место. Мы, – он выдержал паузу, – рыцари ордена, благодарны вам за это.

На том политическая карьера Вильгельма фон Фюрстенберга закончилась, а для Готгарда фон Кетлера – началась. И первым делом новый магистр решил нарушить договор с Русью. Отныне хранителями ордена выступали: на западе – король Польши Сигизмунд II Август и самый крупный феодал Центральной Европы великий князь Литвы, а на севере – Швеция и Дания. Остров Эзель ушел под протекторат датского короля Фридриха II, и тот назначил там владыкой своего брата Магнуса. В отличие от предшественника, проповедовавшего древний принцип: «Умри, но не сдавайся!», Готгард Кетлер придерживался другого: «Поступись частью, чтобы не потерять всего».

5

Казначей Мусаила Сукина подкараулили в царских палатах, когда тот, задержавшись допоздна, намеревался покинуть Кремль и отправиться в Китай-город по делам сердечным. В доме овдовевшей купчихи Битюговой его ждали блины с икрой, медовуха и обильные ласки. Да не тут-то было! Сильные руки ухватили Сукина за грудь и прижали к стене.

– Тсс! – приблизилось к нему холеное бородатое лицо.

Пискнуть не мог казначей – так сдавило ему грудь. Но чтобы лиходей, да в самом Кремле?! Однако быстро пришел в себя Сукин: пальцы его «лиходея» так и сверкали дорогими камнями! И у самого царя небось таких не было...

Над ним завис не кто-нибудь, а старший Захарьин-Юрьев – шурин царский.

– Вот что, Мусаил, – зловеще зашептал Данила Романович, крепко держа борта кафтана казначея, – ты это... отдышись пока малость. А то вон ведь как испужался – точно тебя тати в лесу споймали! Даже в темноте видно, сколь побледнел со страху. Аль ты деньги царские таскаешь? Проверим карманы-то, а?

– Все смеетесь, Данила Романыч, – оторопело забормотал Сукин, – а ведь и впрямь напали на меня, аки тать в ночи! Я уж с перепугу забыл даже, как вздохнуть...

Данила рассмеялся, ослабил хватку:

– А ты вспоминай, Мусаил, вспоминай. Нам, живым, воздухом дышать непременно надобно. Это мертвякам оно ни к чему. А ты дыши, дыши пока...

Из темноты вышел и второй Захарьин-Юрьев, младший из братьев, Никита Романович. Так и сверлил взглядом казначея.

– Правду говорят, что не жалуешь ты Адашева Алексея? – спросил старший.

– Отчего ж не жалую? – заторопился Сукин. – Кто напраслину на меня возвел?..

– Стало быть, жалуешь?! – грозно переспросил Данила, тряханув казначея за шиворот.

– Не больно-то жалую, Данила Романыч, да что с того? – вопросом на вопрос ответил казначей. – Мало ли кто кого жалует, а кого нет! Лишь бы государь наш Иоанн Васильевич, царь православный, жив был и здоров...

Сукин знал: эти двое просто так вопросов не задают и, коли прилипнут, легко не отвяжутся. Что-то понадобилось от него двум хитрым братьям, давно желавшим прибрать

к рукам Московию через любовь Иоанна Васильевича к их кровной сестренке – царице Анастасии Романовне.

Никита Романович, стоявший тут же, усмехнулся, передразнил казначея:

– «Что с того?» А то, Сукин Мусаил, что время твое настало послужить нам и всему государству русскому.

– Как это? – осторожно полюбопытствовал Сукин.

– А вот так это, – вторил брату Данила. – Ты ведь у нас казной ведаешь? Вот и намеки государю: мол, Алексей Адашев, нестяжатель наш незабвенный, сын лукавого Федора, не просто так с ливонцами примирился. Скажи, что, мол, после того замирения денежка потекла на Русь из Ливонии, да только не в карманы царские, а к первому его министру – любимцу и другу сердечному. Змее подколотной...

– Господь с вами, Данила Романович, так ведь это ж навет будет!

– А хотя бы и навет, Сукин, что с того? Я ведь отблагодарю, – приблизившись к чиновнику, старший Захарьин-Юрьев не отпускал от себя его перепуганного взгляда, – ох, не постою за ценой!

Тут и молодой Никита прихватил казначея за другой рукав, да еще крепче брата:

– Мы за ценой не постоим, Мусаил, мы оба. Слово тебе даем!

– А ты слову нашему верь, Мусаил, верь, – продолжал старший Захарьин-Юрьев. – Мы ведь – родня государева. Царские детки – племяши наши. Им на престоле русском сидеть! Смекаешь, кого тебе слушать стоит? Адашев же – временщик из худого рода. Да нынче и не люб он уже царю, как прежде. Надоел с самоуправством своим хуже горькой редьки. Вон, Сильвестор-то, где уже? Вчера еще только за трон держался, обвивал его, аки плющ ядовитый древо вечной жизни, а нынче уже за версту сохнет. Утомил потому что царя советами да поучениями, отравил байками и страшилами своими. Все адом запугивал да чертями, да прочей нечестью! Так супротив него все страшили опосля и обернулись. Скоро и Адашев там окажется, в той же яме, откуда назад ходу нет. А кто тогда встанет у кормила государева? Мы, Захарьины-Юрьевы, Данила да Никита, друзья царевы, любимые братья его любимой во Христе женушки.

– Мы тебя торопить не станем, – увещевал младший Романович. – Ты ж обмозговать должен каждое наше слово, верно?

По коридорам царских палат пошел мерный топот. Он приближался – дворцовая стража из стрельцов, по форме – при топорах и саблях, шла сюда. Заслышав бойкие шаги, братья переглянулись. Уже свет факелов, разрывая темноту, замаячил вдалеке. Захарьины-Юрьевы разжали цепкие пальцы – отпустили рукава казначейского кафтана, но полного дыхания бедняге не дали.

– Стой смирно, Мусаил, – улыбнулся казначею Никита. – Смирнехонько!

Стража, ненадолго порезав темноту факелами, обдав легким жаром, прошла мимо знатных бояр, даже глаз на них не скосив, чтоб не прогневать случаем.

– Братец мой младший чересчур милостив, не так зорек еще, как я, – проводив взглядом стрельцов, вновь заговорил Данила. – Придется тебя поторопить, Мусаил. Потому как времени у нас мало – нужно о будущем думать. Так что ты, Сукин, не тяни с ответом. От него и судьба твоя зависит, а может, и жизнь сама. Твоя, родни всей и даже полюбивницы твоей из Китай-города, – улыбнулся старший Захарьин-Юрьев, глаза в глаза глядя на бледного как смерть даже здесь, в темноте, казначея. – Так-то вот!

Часть вторая Страсти земли русской

Глава 1 Царь всея Руси

1

Иоанну IX Васильевичу выпало несчастливое детство. Отца он не помнил – Василий III умер нелепой смертью в пятьдесят четыре года. Простая царапина загноилась, и все обернулось заражением крови. Трехлетним малышом встретил Иван это горе. Мать будущего царя, Елена Глинская, вышла из литовских княжон, род ее вел начало от самого Мамаю, от его сыновей, что после смерти отца осели в Литве и разрослись семьями. Елена не пользовалась популярностью среди москвитов, но это не помешало великой княжне со всей данной ей Богом волей встать у руля молодого государства. Елена Глинская оказалась уверенным политиком и администратором: она заключила выгодный для Руси мир с Польшей, обязала Швецию не помогать Ливонскому ордену и Литве против русских, позже подавила боярское сопротивление и ввела первую на его Руси единую монету – серебряную копейку.

Но те несколько лет, в кои правила она от имени малолетнего сына своего Ивана, показали жестокое сердце ее и непреклонный характер. Властная и самонадеянная Елена, заняв место на троне, не терпела прекословия и своеуравия вельмож. С ее легкой руки сгинули в застенках и два родных брата покойного царя Василия III. Сперва князь Юрий Иванович Дмитровский, которого сразу после похорон мужа Глинская заточила в подземелье, а позже и князь Андрей Иванович Старицкий, осмелившийся учинить бунт против нее и ее честолюбивого фаворита Овчины-Телепнева-Оболенского.

Сгубила в тюрьме Елена и родного дядю Михаила Глинского, назначенного ей мужем Василием перед смертью в первые советники: родственник имел неосторожность выразить недовольство все тем же фаворитом великой княгини.

Многие из князей и бояр, не одобрявшие порочного союза Глинской и Оболенского, желавшего через нее править государством, выехали на тот период из Москвы в Литву – служить новому государю.

Целых пять лет – после смерти Василия III в 1533-м, – государственная лодка раскачивалась во все стороны: высокородные князья и бояре не желали мириться с властью ненавистой им Елены, она же платила им сторицей – казнями и унижениями.

Зато оба сына, Иван и младшенький – убогий Юрий, боготворили свою красавицу-мать. Она была для них и солнцем, и луной. В сущности кроме нее они никому и не были нужны. Не часто мать отвечала им долгожданной лаской, с трудом находя для сыновей время меж государственными делами и личной жизнью, но тем радостнее были для мальчиков эти редкие проявления любви. Ведь только в абсолютном мраке можно в полной мере оценить огонек свечи, пусть даже и неяркий.

Но так продолжалось недолго...

Когда Ивану исполнилось восемь лет, Елена Глинская, цветущая женщина тридцати лет, неожиданно занемогла и в течение нескольких дней угасла. Этот удар был почти смертельным для мальчиков Ивана и Юрия. От горя Иван часами сидел, уставившись в одну

точку, и не откликался, когда его звали. Только машинально гладил по голове глухонемого Юрия, что, садясь рядом, укладывал светловолосую голову брату на колени.

В смерти Елены многие винили бояр Шуйских – братьев Ивана и Василия, создавших могущественную партию при великокняжеском дворе. Но винили шепотком, с оглядкой. Боялись Шуйских, ведь они отныне встали у кормила власти. Через несколько дней после смерти Елены братья Шуйские извели ее любимца Оболенского, сослали митрополита московского Даниила, благоволившего великой княгине, и казнили многих других ее приближенных.

Восьмилетний Иван и пятилетний Юрий остались круглыми сиротами и уцелели лишь потому, что казались Шуйским безобидными и жалкими щенками. Те и относились к малолеткам как к щенкам – в собственных хоромы царственные братья ходили в обносках и кормились объедками с богатого стола ничего не страшившихся бояр.

Смуглый, темноволосый и кареглазый Иван рос недоверчивым, осторожным и боязливым. Он вздрагивал от громких звуков: пушечного выстрела и даже отдаленных криков в царских палатах, потому что часто эти крики сулили беду. Но если Юрий в силу врожденного недуга был, как о нем говаривали, «умом прост» и принимал все удары судьбы безропотно, то совсем другое дело – Иван. Старший брат замечал все и все понимал. И потому в сердце Ивана с юных лет росла великая и лютая злоба ко всему окружающему его миру – несправедливому, жестокому и опасному...

Через два года после смерти Елены князья Бельские попытались вырвать власть у Шуйских, но неудачно – и сами поплатились, и других за собой потащили. Их союзника, одного из людей князя Воронцова, убили прямо на глазах Ивана. Но юный царь, глядя на все боярские изуверства, вырос и до времени молчал, точно воды в рот набрав.

Взорвался он в тринадцать лет, набравшись смелости, решив показать себя хозяином и земли своей, и людей – слуг великокняжеских.

Более других Иван ненавидел Шуйских. Братья к тому времени совсем обнаглели и развальяжились, обросли сонной прислугой и жадными подпевалами-льстецами. Не думали и думать не хотели, что творится в душе мальчишки Ивана, которого за его темные злые глаза только и кликали что «волчонком». Себя-то медведями считали. Привыкли помыкать подростком, были уверены: все сделает, что они ему прикажут.

И вот однажды «волчонок», окруженный стрельцами, указав пальцем на Андрея Шуйского, отвесившего ему недавно подзатыльник, как льдом обжег:

– Взять его! Взять!

Стража не посмела послушаться молодого великого князя. Тем паче что никто не любил обнаглевших Шуйских – нахлебников и воров. А сам боярин Андрей превзошел всех: будучи наместником в Новгороде, крал все, что плохо лежало, да так старался, что новгородцы едва его не порешили. Выслали обратно в Москву, а людишек его перебили. Схватила теперь стража Андрея Шуйского и поволокла по палатам, а он все визжал и брыкался, поверить не мог тому, что с ним происходит.

Иван же шел следом и твердил:

– Крепче держите! Крепче!

А когда выволокли Андрея Шуйского на великокняжеский двор да бросили на снег, а была зима и морозец крепкий стоял, тут-то тринадцатилетний Иван и решился. До сих пор стоял у него перед глазами насмерть забитый Шуйскими человек князя Воронцова, и крики его все еще резали слух так, что хотелось заткнуть уши. Вот казнь для Андрея Шуйского сама собой и придумалась. Скорая, но лютая.

– Псарей моих сюда! – истерично закричал Иван. – Да с собаками! С некормленными! Всех, кто ослушается, ждут плаха и топор! – Иван дрожал от гнева и восторга. Мечтал об этом годы, а вершилось все мгновениями. – Всех погублю, никого не пожалею...

И тут Андрей Шуйский понял, что не шутки это мальчишки-переростка, не игры его злые, когда кошек и щенят с крыш полатей своих сбрасывал да во дворе вешал, а самая что ни на есть государева воля.

– Помилуй, Ваня! – забился у красного крыльца в снегу боярин Андрей. – Прости подлеца! Я ведь шутейно, любя! Ва-аня!

А псари едва поспевали – собаки сами тащили их вперед. Псы лаяли разноголосно и жадно, предчувствуя драку и кровь. Стояли все человечки государевы, недавно еще горластые да страх забывшие, точно языки проглотили. И не знали стрельцы, челядь и дьяки, куда смотреть – на юного великого князя или на грозную собачью свору. А псы, обливаясь слюной, рвали перепуганным хозяевам руки, тянули морды и скалили пасти в сторону того, кто был жалок и до смерти напуган.

Полоснув взглядом по псарям, Иван остановил взгляд на боярине, что, разминая снег, ползал в отчаянии на одном месте, бормоча и глотая слова, и все тянул руки то к стрельцам, то к прислуге.

Вновь указал на него пальцем Иван и крикнул что есть силы:

– Чем не боров лесной?! Травить его! Травить! Травить!

И псари послушно спустили десятка два псов, и те стали рвать на лоскуты ревушего Андрея Шуйского. Кричал он недолго, но страшно. За минуту распотрошили его охотничьи псы, разорвали, а потом еще растаскивали по кускам, и никто не остановил их. Все ждали и молчали. Только кровью остался обильно полит зимний великокняжеский двор. Тупо смотрели собаки с окровавленными пастьями на псарей, нюхали алый снег. И в той же тишине стрельцы и слуги смотрели на то, что осталось от царского недоброжелателя.

А Иван, пылая лицом, продолжал дрожать, но на этот раз от упоения властью, от своей силы и чужой безропотной покорности.

Так, за минуту, терпеливый и послушный чужой воле мальчишка превратился в великого князя всея Руси Иоанна Васильевича. И за ту же минуту пала власть семьи бояр Шуйских и падением своим положила начало правлению князей Глинских – родичей Иоанна по матери Елене.

Самонадеянные Шуйские возводили плотину, унижая подростка и тем копя великокняжеский гнев и злобу; наученные чужим опытом Глинские поступили иначе. Пусть этот гнев и злоба проливаются сколь угодно, решили они, лишь бы не на них. Тем более что подросток превращался в юношу, и из этого можно было извлечь выгоду. Пирь и любовные утехи с радостью примет неопытное отроческое сердце! И все это Глинские дали юноше с избытком, приучая его с молодых лет к пустому времяпрепровождению, вину и распутству. Благо послушных великокняжеской воле дев было не счесть – из любого сословия. Теперь стало можно все! И юнец в полной мере наслаждался этой вседозволенностью, с избытком восполняя былые запреты и незаслуженные ущемления его священных прав государя.

Но одна страсть Иоанна еще с малолетства была особенно сильна – страсть к книгам. Многим казалось, что появилась она точно сама собой, но на самом деле книги открывали ему врата в иной мир. Мир, которому легко и по своей воле мог отдаться забитый и забытый всеми мальчуган. И если бы не эта страсть читать и разуметь, то стал бы Иоанн пустым прожигателем жизни на троне, никчемным человеком.

Книги же учили его быть иным. Но каким?.. Не прожигателем своей, а выжигателем чужих жизней, потому что очень скоро Иоанн IV стал искать в них лишь одно.

Иоанн Васильевич, у которого едва пушок тронул щеки, и вычитывал в книгах не христианские мудрости, хотя там их было предостаточно. Призывы к добродетели и любви к ближнему мало трогали его – они просачивались через сознание, как песок сквозь пальцы. Он же с восхищением и трепетом улавливал все, что касалось власти государя. Абсолютной власти.

Да и само время тому способствовало...

Почти веком ранее, в 1453 году, под ударами турков-османов пал Константинополь. Мехмед II стер с лица земли Восточную Римскую империю – оплот православной веры. Точно в насмешку над христианским миром, он перенес на священный берег Босфора свою столицу, раздавив каменной пятой ислама даже остатки прежней культуры.

Место для нового оплота восточно-христианского вероисповедания оказалось свободным.

Ивану Васильевичу III, деду Иоанна IV, исполнилось на тот период тринадцать лет. Его отец, Василий II Темный, еще платил Большой орде – первой из наследниц Золотой Орды – дань, только во снах помышляя о свободе от ненавистного ярма. Но век пятнадцатый от Рождества Христова открывал цивилизациям новые горизонты, и время отныне работало на Русь – против ее захватчиков татар. Это время неумолимо разделило кровожадных кочевников на множество враждующих между собой и оспаривающих былую Чингизову и Батыеву славу орд, в первую очередь Большую и Астраханскую, Крымскую и Казанскую, Ногайскую и Сибирскую.

А время для Москвы было другое – собирать русские земли.

Чем и занялся Иван III, сев на отцовский престол после смерти ослепленного в междоусобицах Василия.

Иван III в разное время присоединил или сделал зависимым от Москвы княжества Ярославское и Рязанское, Ростовское и Дмитровское, Белозерское и вечно враждующее Тверское, навсегда прогнав дальнего своего родственника, тверского князя, в Литву. Наконец малой кровью присоединил до того вольную и не желавшую никому подчиняться Новгородскую республику. В Москву, в знак столь важного акта, был отправлен вечевого новгородский колокол – символ древней свободы этого северного города.

В 1472 году Иван III Рюрикович женился на племяннице последнего византийского императора Константина XII Софье Палеолог – последней представительнице своей династии. Это обстоятельство позволило Ивану, носившему пока всего лишь великокняжеской титул, задуматься о преемственности духовной и светской власти, идущей от самих византийских императоров! Ведь отныне крови его и Софьи суждено будет соединиться в их детях.

А в 1480-м на реке Угре хан Большой орды Ахмат так и не решился напасть на москвитов, переставших платить татарам дань. Так и ушли кочевники несолоно хлебавши.

Ивану III вновь было чем гордиться: это он избавил русские земли от ордынского ига, длившегося два с половиной века!

До этих событий великие князья Московские называли «царями» ханов Золотой Орды, потому что так величали они себя. И до ухода от речки Угры больше-ордынской армии во всех грамотах Иван III величал хана Ахмата «царем», а себя – великим князем и слугой его верным. И монеты ходили по Руси с ханскими ликами. Но коли «царь», поджав хвост, ушел? А сам он, Иван, женат на племяннице императорской? Не патриархи византийские считались заместителями Бога на земле – они в государственном устройстве ромеев играли роль небольшую, – Божьими ставленниками перед всем миром были императоры! Короли западные – племенные вожди франков да германцев – с них пример брали, венчаясь коронами! Так как же называть себя отныне – только ли «великим князем»? И вот Иван III, пусть и с оглядкой, нет-нет, а стал подписываться в грамотах, касавшихся внутренних дел государства, помимо прочего еще и «царь», что по латыни означает «кесарь». Именно так именovali себя императоры Рима, а позже и Византии.

За свою жизнь Иван III сделал все что мог и даже сверх этого. Хвала ему вечная. Сын его и Софья Палеолог, Василий III, смело принял у отца эстафету. Он вел себя уже смелее, ведь в нем текла кровь византийских императоров. Но даже Иосиф Волоцкий, идеями

своими, а потому и именем положивший начало течению «иосифлян», дабы польстить великому князю, называл его «всей Русской земли государям государем», но никак не «царем». Тем не менее Василий III, чувствуя за собой тень византийских императоров и освобожденный от уплаты дани татарам, уже куда чаще отца подписывался в документах как «царь всея Руси». Хотя о таком звании он мог пока только мечтать...

Вот тут и появился на исторической сцене некий псковский монах Филофей. В письме он адресовал государю высокопарные слова, которые не могли не тронуть до глубины души великого князя: «Рим пал от варваров за грехи свои, второй Рим – Константинополь – пал от турок-османов из-за ересей своих, третий Рим – Москва – стоять вечно будет!» Василий III долго не мог успокоиться, впервые прочитав такое. Никому не известный псковский монах, сам того не предполагая, завязал такие три узелка на бечеве времени, которые и мечом отныне было не разрубить. Желая польстить великому князю, Филофей определил политику великого государства на века вперед.

Дело оставалось за малым: донести это до всего мира...

Но донести ее суждено было не Василию III, а его сыну – Иоанну IV, которого пленила и ослепила идея «Богом избранного царя русского».

А тут еще и позиция московского митрополита оказалась как нельзя кстати...

Макарий, митрополит Московский и всея Руси, мудрец и книголюб, был сторонником сильной самодержавной власти и воинствующей церкви, духовного меча ее. Убежденный иосифлянин, он терпеть не мог «нестяжателей» и готов был поставить их в один ряд с еретиками своего времени. Макарий давно грезил идеей увидеть во главе Московской Руси не великого князя, а царя, и раз и навсегда закрепить его полномочия «божественной природой», чтобы никакие удельные князья не могли оспорить власть московского, а значит, и всея Руси государя. Ведь и в голову никому и никогда не пришло бы оспаривать теократическую власть византийского императора, так чем хуже будет русский царь?

После одного из богослужений в Успенском соборе в Московском Кремле юный Иоанн сам подошел к митрополиту, дотронулся до руки его и отозвал Макария в сторону. Они встали под церковным окном, вечерний свет падал на них сверху, ало подпалив повосточному темные волосы шестнадцатилетнего юноши. Иоанн волновался, и тогда Макарий взял его руку в свою:

– О чем ты хотел говорить со мной, великий князь?

– Хочу быть царем всея Руси, но не как отец мой – лишь на грамотах, а хочу воистину им быть, – глаза юноши уже загорались тем огнем, который пока был внове для многих. – И не как ханы ордынские, басурманы проклятые, силой титул бравшие. Хочу венчаться на царство перед боярами и народом моим, чтобы все видели: я – царь, и власть моя от Бога христианского! И чтобы все короли западные благоговели и завидовали, как благоговели и завидовали они императорам Византии. Так я хочу, отче.

Макарий не мог и не хотел скрывать своего удивления и восторга: до глубины души он был поражен прозорливостью худенького юноши, точно заглянувшего в сердце и ему самому – первосвященнику Московского государства.

– Ты будешь царем, великий князь, – сказал митрополит. – Сам бы не попросил – я бы тебе подсказал. Скоро будешь, верь мне!

Юношеская гордыня и прагматизм умудренного опытом священника небывалым образом сошлись воедино, точно две стрелы, пущенные в одну мишень и поразившие ее одновременно и – в одной выбранной точке!

Для кого будущее венчание стало новостью, так это для бояр московских. До того пребывавший в тени юноша Иоанн смело вышел на свет и покидать его уже не думал. Разве что Глинские не удивились, потому как сами упорно нашептывали Иоанну, что достоин он большей доли, нежели одной только великокняжеской. Подталкивая подростка венчаться

на царство, укрепляя власть своего отпрыска по линии Елены, Глинские укрепляли и свои позиции при русском великокняжеском дворе, ведь их, интриганов и временщиков, заботящихся лишь о своем благе, любили не больше, чем Шуйских.

В полдень 16 января 1547 года в Успенском соборе Московского Кремля, при огромном скоплении народа, под колокольный звон – а звонила в тот знаменательный день вся Москва! – Иоанн IV Васильевич был венчан как «Царь всея Руси» божественным соизволением. Митрополит Макарий лично возложил на шестнадцатилетнего юношу знаки царского достоинства – крест Животворящего Древа, бармы и шапку Мономаха, помазал его миром и благословил на царствование. Для митрополита Макария неограниченная самодержавная власть и православная вера сошлись-таки по византийскому примеру в одном человеке, который отныне должен был стать неприступной скалой в христианском мире.

Но до того, чтобы занять место византийского императора, было еще далеко! Слишком много ожидал юный Иоанн от своего нового титула. Свои-то, москвиты, с радостью встретили его «перерождение», с царем и людишки всех сословий себя смелее почувствовали, горделивее плечи расправили, ведь раньше были ханские холопы, а нынче – своего царя из славян.

Но как же другие страны-государства?

Тут Иоанна до времени ждало горькое разочарование. Оказалось, одно дело венчаться на царство в землях русских княжеств, и совсем другое – стать царем перед всем миром. А юноша Иоанн вовсе не был темным затворником, читал он много и всякого и знал, что есть другой мир – латинский. Тот мир хоть с верой христианской и подкачал, но машины разные хитрые придумывал: уже целый век как печатал книги, лил пушки всем на зависть, ковал доспехи и мечи, корабли строил и по морям-океанам смело плавал. С тем миром стоило знаться и торговать, учиться у него уму-разуму.

Кем же был для Запада Иоанн? Мальчишка. Ну, великий князь московский. Так это значило не больше, чем «великий герцог». Правит кто-то на землях бывшей Золотой Орды, на окраинах ее, прежний холоп монгольский, княжит себе среди медведей, вот и все. Одна радость – везут оттуда мед, воск да пушнину.

Но еще до венчания на царство Иоанн стал все чаще удивлять бояр своими зловерными выходками. Иные, самые проницательные, сразу подметили в нем одно качество, о котором вслух и боязно было говорить. В детстве Иоанн любил умерщвлять животных, часто изощренным способом. Юный Иоанн презирал людей и совсем не ценил уже человеческой жизни. Лет в пятнадцать, с ватагой таких же подростков, мчится, бывало, верхом по Москве, по торговым рядам, и плетью лупит столичный люд по спинам, лицам да рукам, не разбирая, зрелый то муж или девица, старик или ребенок. Любому могло достаться...

Кошками и щенками теперь не обходилось. Афанасию Бутурлину Иоанн приказал за невежливое слово язык отсечь – да на своих глазах. Новгородские стрельцы пришли с жалобами, а он приказал своим дворянам гнать жалобщиков взащей. Те друг с другом сцепились, с каждой стороны по пяток человек полегло. Иоанн приказал искать зачинщиков. Следователи быстро нашли их, правда, среди чужаков – «зачинщиками» оказались бояре Воронцовы и князь Кубенский. Все из первого ряда. Их Иоанн с детства знал и худого ничего сказать о них не мог. А тут взял и приказал Ивану Кубенскому и одному из Воронцовых головы отсечь, а двух других Воронцовых выслать из Москвы. Семьдесят почтенных и немолодых псковичей – а Псков еще помнил традиции вольного города! – приехали челом бить государю и жаловаться на угнетателя наместника князя Ивана Турунта-Пронского, злоупотреблявшего своей властью. Иоанн же, став пунцовым от гнева, возопил: «Да как вы смеее, посадские мужики, черный люд, жаловаться на моего князя?!» И приказал старым псковичам бороды свечами палить и горячее вино на лицо лить. А сам на все это издевательство смотрел, то бледнея, то заливаясь краской от гнева и удовольствия одновременно.

А затем приказал раздеть жалобщиков догола и на землю чурбаками уложить. Псковичи решили, что их смертный час настал. Плакали, стонали, умоляли – все без толку. Вооруженные до зубов холопы государевы уже приготовились свершить казнь, но тут прибыл гонец из Москвы и сообщил, что большой колокол кремлевский упал и раскололся.

Дурное известие, беду предвещавшее!

Иоанн, веривший всяким знакам, тотчас забыл о псковичах, прыгнул на коня и со своими лихими приятелями по утехам мерзким и ближней охраной поскакал в Кремль. Но прежде крикнул, решив судьбу псковских старшин:

– Пусть убираются!

Избитые, едва до смерти не замученные, почтенные псковичи убрались восвояси, не найдя правды: подальше от Москвы, этой лютой волчицы, гореть бы ей в аду!..

Но приступы гнева и садизма сменялись у царя периодами принятий решений мудрых и дальновидных. В те же шестнадцать лет Иоанн вновь изумил князей и бояр московских.

– Хочу жениться и род своей продолжить! – заявил как-то Боярской думе.

Растрогался царский двор, особенно старики. Вот он какой у них царь-то – умница! Другой бы в таком возрасте о потехах одних и думал, а этот не только плетью по головам москвичей жарит да бороды старикам жжет, но и о наследниках печется!

А царь продолжал:

– Но не иностранку хочу взять себе в жены, а свою, русскую, из коренного боярского рода.

Поговаривали, что Глинские научили его этой премудрости. Заграничную принцессу запросто в монастырь не отправишь, а свою можно. Вдруг не слюбятся? И яду просто так не подсыплешь, коли сама ядовитой змеей окажется, – отец заграничный запросто озлобиться может, за меч возьмется. А то, что змеи из красивых-то яиц вылупляются, это Глинские знали! Насмотрелись они на свою Елену-прекрасную, на характер ее, на волю железную, – какой может оказаться супруга государева! Скольких не пожалела! Только второй такой Елены, но из чужого рода, им, Глинским, было не надобно. Что интересно, совет своих родичей по матери показался юному царю мудрым и обоснованным.

Прослышав о воле государя, засуетились все князья русские да бояре, готовя своих дочерей на показ. Полторы тысячи девок прошли пред очами юного царя.

Выбрал же он шестнадцатилетнюю Анастасию из боярского рода Захарьиных-Юрьевых. Не династическим был этот брак – сердцем сошлись они. Выбирая суженую, молодой царь сам творил свою судьбу. Увидел Настасьюшку и глаз уже не смог отвести. По любви женился, что редко бывает у государей, и Анастасию Романовну, к великому счастью ее деятельных и дальновидных братьев Данилы и Никиты, венчали как первую в истории Руси великую княгиню и царицу московскую.

Тут бы, кажется, и зажили. Да не вышло...

В том же 1547 году один пожар на Москве следовал за другим. Но тот, что грянул 21 июня, позже назовут «великим». Точно раздували его за грехи людские сами силы небесные. Никто из стариков при жизни своей такого пожара не помнил! Лето выдалось жарким и сухим. Поначалу огонь запылал где-то на Арбатской улице, а потом пошел, пошел!..

Позже летописец запишет: «Ветер был велик, и потек огонь яко молния...»

Пожар двинулся на Кремль с юга и скоро захлестнул стены. Все, что было слажено в Кремле из дерева, сгорело. Пылали Казенный и Пушечный дворы, Оружейная и Постельная палаты, потом стали взрываться пороховые склады. Сотни коней, вырвавшиеся из горящих царских конюшен, стали метаться по улицам и топтать людей, что пытались уберечь свое добро, искать в пожаре родных или просто спастись от огня. Митрополита Макария решили провести через подземелье Успенского собора, но там уже было так задымлено, что пришлось от этого пути спасения отказаться. На том участке кремлевской стены,

где еще не было огня, полузадохнувшегося митрополита обвязали веревкой и стали спускать вниз, за стену, но веревка оборвалась, и митрополит Макарий, и так едва дышавший, упал на камни. А провожавшие его спасители так и сгорели заживо. Толком не зная, жив митрополит или нет, его повезли в Новинский монастырь. Люди, оставшиеся в Кремле, бежали к главному оплоту – каменным церквям, закрывались в них и молили Господа о защите, но глух был в тот день Создатель к их мольбам. Стены церквей раскалялись и трескались от жара, и церковная утварь мгновенно вспыхивала и сгорала. Так погибло большинство кремлевских фресок Андрея Рублева и Дионисия. А за стенами Кремля уже целиком выгорали Китай-город и Большой посад.

В том июньском пожаре сгорело 25 000 дворов и страшной смертью погибли почти четыре тысячи человек! И огонь не разбирал – простой ты холоп или знатный боярин.

А вот царь спасся. Взяв молодую жену, с горсткой слуг он вовремя бежал из Москвы в загородное село Воробьево, что раскинулось на горах и где у царя было поместье. И уже оттуда, с Воробьевых гор, потеряв дар речи, Иоанн смотрел вниз – на пожар, что выжигал Москву, горевшую так страшно, так погибельно, точно час столицы уже пробил. Много позже царь напишет о тех минутах: «Вошел страх в душу мою, трепет в кости мои, и смирился дух мой».

Город был завален обуглившимися трупами, и хоронить их было некому. Покалеченных и обгоревших оказалось еще больше. Все съестные припасы сгорели, жить было негде...

На пятый день в Москве начались волнения. «Было великое возмущение во всем народе», – запишет потом летописец. Народ московский не верил, что такое могло случиться просто так, и стал искать виновных. А кто может быть виновным? – самый нелюбимый! Тот, кто стоит у власти, обирает простой народ, казнит и милует по своему разумению.

Таковыми были Глинские...

Боярская дума, вернее, то, что от нее осталось, собралась в Новинском монастыре у постели чудом выжившего митрополита Макария, решая, что же делать и как быть. Прибывший сюда Иоанн тут и узнал, что народ винит его родню. Да более того: уже ходит слух по Москве, что бабка-де молодого царя, мать Елены, Анна «волховала, сердца человеческие из тел изымала, затем в воде их мочила и тою водой по ночам улицы столицы окропляла, оттого вся Москва и выгорела». И теперь все уцелевшие ищут Глинских, чтобы расправу над ними учинить!

«Всяк человек дик по-своему, а когда собирается в толпу, то и совсем дичает: точно зверь голодный становится», – писал один монах того времени о происходившем в Москве волнении сразу после пожара.

И точно, к тому времени гневная, озверевшая толпа рыскала по пепелищу в поисках Анны Глинской. Но не нашла – старуха предусмотрительно сбежала. Но сказали, что Юрий Глинский, дядя царя, где-то в Кремле. А потом узнали – в Успенском соборе прячется, у Господа защиты ищет! И тогда толпа двинулась к Успенскому собору. Глинского нашли, избили в самом соборе, затем вытащили на улицу и всем миром прикончили камнями. Труп Юрия бросили на торжище, как тело осужденного и казненного преступника, а затем пошли к его каменному дому, не тронутому огнем. Толпа ворвалась в дом Глинского, выволокла на улицу всех дальних родственников и челядь княжескую и прикончила, как и хозяина, камнями, палками и кулаками. А потом дом разграбили.

Но всего этого показало мало. И тогда черный люд, взяв себе в вожди московского палача, двинулся на Воробьевы горы – к молодому царю, дознаваться: где он прячет свою бабку-колдунью и второго дядю Михаила Васильевича, почто лиходеев укрывает?

Иоанн и его жена спали, когда дом наполнился страшным шумом и грозными голосами. Двери распахнулись, и в опочивальню ввалился палач с топором в руке, а за ним и черный люд, вооруженный чем попало. Иоанн и Анастасия были наги – они только что предавались

любви. Теперь же, глядя на черные тени, юноша комкал одеяло у своего живота. Зубы его стучали, он не знал: кричать ему или плакать, звать на помощь или просить пощады.

– Отдай нам, царь-батюшка, родню свою – Глинских! – надвигаясь, рычала толпа. – Это бабка твоя, колдунья-Анна, погубила Москву! Выдай нам ее!

А ведь он уже думал, что смерть его пришла, и любимой жены его – Анастасии. Хоть Иоанн и трусоват был, но нашел в себе силы сказать:

– Нет здесь Глинских, и где они – я не знаю. – Он говорил правду: Глинских и след простыл. – Ищите их за пределами Москвы – уверен, бежали они от вашего гнева.

И толпа поверила своему царю. Но уточнила:

– А не станешь ли ты нас потом искать и обиды нам чинить, что убили мы уже твоего дядю Юрия?

– Не стану, – ответил Иоанн.

– И слово даешь царское?

– Даю слово, – едва живой, ответил юноша.

И чернь, удовлетворенная ответом, покинула опочивальню. Слова своего, понятно, Иоанн не сдержал, скоро учинил следствие и всех зачинщиков, начиная с палача, казнил публично. Но в ту ночь напугал его простой народ. Оказывается, страшен он может быть, не посмотрел даже, что ввалился к богоизбранному, как уверяла со всех престолов церковь, государю. Могли ведь на одну мозолистую ладонь положить его вместе с женой, а другой прихлопнуть! Чудом, ох чудом спаслись они с Анастасией в ту ночь.

Два дня – 27 и 28 июня 1547 года – Москва была в руках взбунтовавшегося народа, и никто, ни бояре, ни армия, не могли и помыслить справиться с ним. Бунт улегся сам собой. Надоело бунтовать, и смысла уже не было: «старухи-колдуньи» так и не нашли. Но прощать такого самоуправства своему народу Иоанн был не намерен – все будет помнить, до смерти ничего не забудет! Ни крови Глинских, ни двух дней народной власти, ни страха своего и жены своей перед чернью, что было куда важнее.

Утро, что последовало за ночью вторжения в царские покои на Воробьевых горах, было еще неожиданнее. На крыльце все того же дома появился еще один разгневанный гость – священник в черной рясе, подпоясанной бечевой. Им был протопоп Благовещенского собора Московского Кремля Сильвестр. Иоанн вышел к нему в одной рубашке до пят, не выспавшийся, щурился и все прикрывал козырьком ладони глаза от солнца.

А пожилой священник указал на царя длинным сухим пальцем и грозно сказал:

– Доколе ж слепцом ты будешь, юный государь?! Неужели не видишь, что творится на твой земле и по чьей вине то происходит?! Сам Господь раздул этот пожар, жестоко предостерегая тебя, первого царя русского, что повиниться ты должен перед Ним за грехи свои и бояр своих – алчных и беспечных! Какие еще свидетельства нужны тебе – второе Батыево нашествие, коим покарал Господь русские земли за извечное братоубийство, чтобы понял ты: владыка должен судить справедливо и границы оберегать надежно, а не жизнь прожигать, слабых давя и попирая?! – Сильвестр потряс кулаками. – В аду хочешь гореть вечно?! В геенне огненной? Так будет тебе геенна, коли не переменишься! Будет!

Оторопел Иоанн. Оторопели и прислуга его, и стрельцы, и все, кто слышал протопопа Сильвестра.

Этой ночью его чуть не зарубили вместе с женой, думал Иоанн, а теперь – геенной пугают. Куда же государю от своих подданных деваться? На пятки наступают! Смел был этот Сильвестр, чересчур смел! Иоанн не раз исповедовался ему, так что знакомы они были и раньше, но такого огня в душе священника, такой грозы в его сердце юноша и не предполагал. За такую смелость и головы лишиться можно! Он мог приказать убить этого священника – за дерзость его великую, и слова роковые готовы были сорваться с уст его. Иоанн

видел, что холопы уже готовы исполнить царскую волю. Так бы он и поступил до пожара – глазом бы не моргнул. Но не теперь.

Не теперь.

Вспомнил Иоанн, как стоял на горке и смотрел на пылающую Москву, откуда сейчас одни только дымы тысячами ручейков поднимались, и сердце зашлось, как и в тот день. Переменился он. Да, переменился. Вошел страх в душу его, и трепет в кости его, и смирился дух его перед Господом...

– Буду другим, отче, – опуская глаза и голову, пообещал Иоанн разгневанному священнику. – Буду другим.

Царь сошел с крыльца, на глазах у всех опустился на колени перед Сильвестром, взял его руку и жадно припал к ней сухими губами.

– Теперь все иначе будет, – сказал юноша, и горькие слезы нечаянного раскаяния неожиданно для самого Иоанна так и брызнули из его глаз.

Он хотел сказать еще что-то, но захлебнулся рыданиями.

2

Вместе с пожаром ушла и память о ненавистных Глинских, канувших в мутном потоке времени, а вместе с раскаянием молодого царя пришли в государственную власть новые люди. Словно после лавинного ливня, очистившего землю, явились Иоанну Васильевичу после всех невзгод те, кто действительно радел не о своем кармане, а о всей Руси, о ее землях и людях, эти земли населяющих.

Боярская дума осталась, но играла теперь роль незначительную, незаметную. Все решала отныне Ближняя дума, состоявшая из самых доверенных царю людей.

Первым из них был Сильвестр – именно он стал духовной опорой молодого царя, чье жестокое сердце мог усмирить только человек такой моральной силы. Вторым был Алексей Федорович Адашев, совсем молодой костромской дворянин незнатного рода, чьему государственному уму могли позавидовать тем не менее сотни умудренных стариков. Он стал Иоанну таким же близким другом, как и удалой Андрей Михайлович Курбский – еще один из основателей и китов Ближней думы и первый из полководцев Иоанна. С названными тремя государственными мужами в новую думу вошли митрополит Макарий, дьяк Иван Михайлович Висковатый, князь Михаил Иванович Воротынский, боярин Дмитрий Иванович Курлятев и другие реформаторы, радетели за родную землю.

О, Русь! Разрывая путавшие ее веками сети кровавого междоусобия и страшного монгольского ига, она искала свое место в этом мире, и потому ей повезло с этими людьми. И повезло еще с тем, что юный Иоанн попал именно под их влияние. Интуитивно юноша осознал, что нынешнее его окружение готово совершить для страны, вверенной ему Богом, чудо. Главное – не мешать им. И по своей воле Иоанн отошел в сторону, положившись на своих новых наставников и друзей. Тем более что был он молод, влюблен и потому легко нашел себе занятия по душе и помимо государственных.

За столетие, тому предшествовавшее, не было осуществлено столько реформ, сколько совершили его верные государственные мужи за первые годы существования Ближней думы!

Что же касалось стороны духовной, то тут взялись за дело протопоп Сильвестр и митрополит Макарий. Удачно подчинив в дни пожара волю Иоанна, Сильвестр и не думал более отпускать ее. Ежедневно, напрямую или косвенно, Сильвестр направлял Иоанна славной дорогой добродетели и так преуспел в этом, что современник-летописец начертал о нем впоследствии: «У государя он в великом жаловании; и в совете духовном, и в думном он всемогущ, и все-то его слушают».

В свободное от наставлений время протопоп Сильвестр вдохновенно работал над своим легендарным «Домостроем». Он сочинял книгу о том, как надобно русскому человеку строить свою жизнь. Писал бесхитростно, ясно и просто, и это обезоруживало: «Надобно каждому человеку избегать тщеславия, и похвальбы, и неправедной наживы, жить по силе своей и по достатку, и расчетливо на прибыль от законных средств. Ибо такая жизнь благоприятна и богоугодна, и похвальна от людей, и надежна и себе и детям».

Заботы митрополита Макария охватывали всю Русь, потому что именно сейчас она как никогда нуждалась в централизации и, получив своего царя, могла эту идею реализовать. Перво-наперво взялся Макарий за составление списка русских святых. Раньше в каждом княжестве, будь то Рязанское, Ярославское или Ростовское, люди молились своим местечковым святым. Макарий составил списки наиболее популярных князей и деятелей церкви былых веков – от Москвы и до самых ее границ – и создал единый пантеон святых для всей Руси.

Завершив канонизацию русских святых, митрополит Макарий взялся за составление многотомного труда под названием «Великие Минеи Четьи». То была энциклопедия, куда входила наиболее известная и читаемая по всей Руси церковная литература.

В первые годы своего существования Ближняя дума создала знаменитые «приказы», которым суждена будет долгая жизнь. Поместный ведал распределением поместий; посольский – связями с иностранными державами; разрядный – назначениями на военные должности; разбойный – борьбой с «лихими» людьми; земский – порядком во всей Москве и на ее окраинах.

Самым ответственным и самым неблагодарным оказался на Руси Челобитный приказ, ведь сколько людей – униженных и оскорбленных – хотели добиться справедливости не на том, блаженном, а еще на этом, горьком для многих свете! Челобитный приказ и взял на себя Алексей Федорович Адашев – человек прямой и неподкупный, а как муж государственный – суровый и даже беспощадный к любому преступнику. Как о нем говорили в миру, так и записал летописец: «Коли Адашев на кого разгневается, бей челом, не бей, а быть в тюрьме или сослану».

В 1550 году Ближней думой был написан, а царем утвержден новый свод законов – Судебник. Огромное внимание государственные мужи Ближней думы уделяли мздоимству, поразившему всю русскую власть – от самого верха до низа. Дьяки и подьячие были главными действующими лицами в судах молодого Московского царства, их и касались в первую очередь государственные законы: «А которой дьяк или подьячий, что запишет не по суду для посула, того казнить торговою казною – бить кнутом да в тюрьму бросить...»

В следующем, 1551 году был созван церковный собор, который позже войдет в историю под названием Стоглавого, потому как его решения сойдутся к ста главам. Этот Собор был не реформаторским, а охранительным. Он должен был искоренить ереси и народные суеверия, укрепить благочиние, в том числе исправить погрешности и разночтения в богослужебных книгах, а также подвести людей, населяющих молодое Московское царство, к церковному образованию.

В течение пяти лет после московского пожара Ближняя дума Иоанна вовсе не меняла старый уклад русской жизни, потому что его и не было как такового. Русь Ярослава Мудрого, у которой могло быть великое будущее, канула в Лету; татарская Русь – истерзанная и униженная – тоже уходила в небытие...

Выкарабкиваясь из двухсотпятидесятилетнего ига, новая Русь только искала свой исток. Она складывалась из разрозненных княжеств, как собирается из случайно рассыпанных стекол уникальная мозаика. Ближняя дума создавала новый русский уклад жизни «на ходу», не имея точной программы. Слишком неожиданно встретились все эти люди, столь непохожие друг на друга – ни по званию, ни по возрасту. А главное, никто из них и не

предполагал в юном царе Иоанне смирения, открывшего им путь для смелых и точных действий.

Когда же новый уклад был установлен, Ближняя дума обратила внимание взрослого Иоанна Васильевича на соседей. А в соседях тех – ни одного друга! Все, как один, лютые враги Руси, и обступили ее точно волки! На востоке – Казанское ханство, что совершало набеги на Русь и грабило ее, и уводило в плен тысячи жителей. К юго-востоку – Ногайская орда. На самом юге – орда Астраханская и Крымское ханство – самое крупное на Черном море рабовладельческое государство, живущее за счет пленных славян. Повыше, – если подковой огибать Русь, – Турецкий султанат, разлегшийся на территории бывшей Византии. На юго-западе и западе – извечные враги Польша, Литва и Ливонский орден. Только и есть для Руси один ход – на север. Но и там бороздят моря датчане и шведы; последние – самые ближние соседи – особенно злы и сильны: не пускают ни торговать, ни города на побережье строить. Приплывут, пожгут, пограбят и уйдут восвояси. Как были варягами, так и остались ими – даром что христиане...

Что-то с этой бедой надо было делать, искать выход. Если и жива была Русь, то лишь потому, что эти волки и коршуны не могли договориться между собой, как погубить ее. Выход Ближняя дума нашла – дерзкий и решительный. А царь Иоанн поддержал это решение и сам вызвался быть вождем героического предприятия.

Ущербной и слабой Русь быть устала и желала стать агрессивной, опасной, бескомпромиссной...

Военная реформа преобразила русскую армию: мобильные части составляла теперь многочисленная дворянская конница, прочную пехотную основу – стрельцы, все чаще соглашались служить царю разудалые наемники с окраин – казаки. Русская артиллерия с каждым годом увеличивала количество расчетов – без нее не обходилась отныне ни одна битва.

Ближняя дума сделала все, чтобы в первую очередь обратить внимание молодого царя на восток. Именно там Алексей Адашев и его единомышленники видели основную опасность. Первой мишенью был выбран самый ближний и дерзкий враг Москвы – Казанское ханство. Казанцы хозяйничали по всей Средней Волге, грабили земли Нижнего Новгорода и Муром, Арзамаса и Костромы, Галича и Владимира. Десятки тысяч пленных уводились в рабство. Казанский летописец так писал об аппетитах хана: «Приводили к себе русь пленную яко скот толпами и на торгу продавали иноязычным купцам».

Москва безуспешно пыталась завоевать ненавистное ханство в течение уже семи лет. Теперь же москвиты решили поступить хитрее: точно так, как поступили они на берегах Балтийского моря, поставив против Ливонской крепости Нарвы свою русскую крепость – Иван-город.

В 1551 году в устье реки Свияги, всего в двадцати верстах от Казани быстро поднялся новый город Свияжск, став русским форпостом пред самым носом ненасытного казанского хана. Гарнизон его был так силен, что взять Свияжск у татар просто не хватило бы сил. Тогда же чуваша, мари и мордва, почуяв, что запахло жареным, присягнули Москве против казанцев, прельстившись знатным посулом – долгое время не платить новым хозяевам дань. К тому же их с почетом принимал в Москве молодой царь, кормил, поил и богато одаривал золотом и оружием. Мирно влившиеся в Московское царство чуваша обязались выставить, когда придет время, многотысячный отряд против своих недавних владык – казанцев.

Время пришло в конце весны 1552 года. Все окрестности Москвы заняло огромное разноплеменное войско, готовое двинуться на Казань. Крымцы хотели было помочь казанцам, сами пошли на север да, пригласив турецких янычар в компанию, осадили Тулу, но вскоре при одном только появлении большой русской армии бежали, бросив обоз и артиллерию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.